

30 ВЕЧЕРОВ С АНГЛИЙСКИМ

*Двуязычные рассказы для чтения по
одному вечером*

АНГЛИЙСКИЙ В2

Александра Панфилова

**30 вечеров с английским. Уровень
B2. Двухязычные рассказы**

«Автор»

2026

Панфилова А.

30 вечеров с английским. Уровень В2. Двухязычные рассказы /
А. Панфилова — «Автор», 2026

Тридцать историй на английском уровня В2 с параллельным литературным переводом на русский — по одной на вечер. Офисная ирония, тайное послание в романе, год переписки по ошибочному номеру, дневник без смартфона. Книга для тех, кто понимает каждое слово, но хочет слышать подтекст: британскую недосказанность, иронию и то, что остаётся между строк. После каждой истории — словарик идиом и устойчивых выражений.

© Панфилова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

How to Use This Book / Как пользоваться этой книгой	6
DAY 1	8
Not Bad, Actually	8
Words & Phrases / Слова и выражения	13
DAY 2	14
Reply All	14
Words & Phrases / Слова и выражения	18
DAY 3	19
The Ghostwriter	19
Words & Phrases / Слова и выражения	23
DAY 4	24
Overheard	24
Words & Phrases / Слова и выражения	28
DAY 5	29
One Star	29
Words & Phrases / Слова и выражения	33
DAY 6	34
Please Hold	34
Words & Phrases / Слова и выражения	38
DAY 7	39
The Translator's Note	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александра Панфилова
30 вечеров с английским. Уровень
В2. Двухязычные рассказы

30 вечеров с английским

Уровень В2. Двухязычные рассказы для уверенного чтения

How to Use This Book / Как пользоваться этой книгой

This book contains thirty stories — one for every evening of a month. It is written for people who can already read English with some confidence and want something more than a textbook can give them: real stories, real characters, and English as native speakers actually use it — with irony, understatement, jokes, and a lot of meaning hidden between the lines.

В этой книге тридцать историй — по одной на каждый вечер месяца. Она для тех, кто уже читает по-английски достаточно уверенно и хочет большего, чем может дать учебник: настоящих историй, живых героев и английского, на котором носители говорят на самом деле, — с иронией, недосказанностью, шутками и множеством смыслов, спрятанных между строк.

At this level, grammar is no longer the problem. You know the tenses; you know the conditionals. What is harder — and far more interesting — is the gap between what people say and what they mean. When a British colleague calls your idea "very brave", is that a compliment? (It isn't.) When someone says "I'll bear it in mind", will they? (They won't.) Many of the stories in this book play with exactly this gap.

На этом уровне грамматика уже не главная трудность. Времена вы знаете, условные предложения тоже. Труднее — и гораздо интереснее — пропасть между тем, что люди говорят, и тем, что они имеют в виду. Если британский коллега называет вашу идею «очень смелой» — это комплимент? (Нет.) Если вам говорят «я учту», учтут ли? (Нет.) Многие истории этой книги играют именно с этой пропастью.

The stories are also told in different ways. Most are ordinary narratives, but one is a diary, one is a year of text messages, one is a series of angry letters to a local newspaper, and in one story the same day happens twice. Some endings are happy, some are bittersweet, and a few are left open — for you to decide.

Да и рассказаны истории по-разному. Большинство — обычное повествование, но есть дневник, есть год переписки в сообщениях, есть серия возмущённых писем в местную газету, а в одной истории один и тот же день случается дважды. Одни финалы счастливые, другие — с горчинкой, а некоторые остаются открытыми — решать вам.

As in every book in this series, each paragraph appears twice: first in English, then in Russian. The Russian is not a word-for-word translation but a literary one — it tells the same story in natural Russian. Try to read the English first and only glance at the Russian when you really need it. At this level, you will often find you don't need it at all.

Как и в каждой книге серии, каждый абзац звучит дважды: сначала по-английски, потом по-русски. Русский текст — не дословный, а литературный перевод: он рассказывает ту же историю естественным русским языком. Старайтесь сначала читать английский и заглядывать в русский, только когда это действительно нужно. На этом уровне вы часто обнаружите, что он вам вообще не нужен.

After each story you will find **Words & Phrases** — a dozen expressions worth remembering. Most of them are not single words but idioms, collocations and phrasal verbs: the small, slippery pieces of English that dictionaries explain badly and native speakers use without thinking.

После каждой истории — раздел «Слова и выражения»: двенадцать выражений, которые стоит запомнить. Большинство из них — не отдельные слова, а идиомы, устойчивые сочетания и фразовые глаголы: те маленькие скользкие кусочки английского, которые словари объясняют плохо, а носители используют не задумываясь.

One story takes about fifteen minutes. And, as before, keep an eye on the first story and the last. Some of you may even recognise the narrator.

Одна история — примерно пятнадцать минут чтения. И, как и прежде, присмотритесь к первой и последней истории. Кто-то из вас, возможно, даже узнает рассказчицу.

DAY 1

Not Bad, Actually

On my first morning at Hartley & Webb Architects, the receptionist looked up from her screen, smiled and said, "You alright?"

В первое утро в архитектурном бюро «Хартли и Уэбб» администратор оторвалась от экрана, улыбнулась и сказала:

— *You alright?*

I had been in Britain for three years by then. I had cleaned offices, I had survived ten weeks of evening classes, I had passed an English exam with a score I was secretly very proud of. So I answered her properly. I told her that yes, I was fine, although I had slept badly because I was nervous, and the bus had been late, and I thought I might be getting a cold.

К тому времени я прожила в Британии три года. Я убирала офисы, пережила десять недель вечерних курсов, сдала экзамен по английскому на балл, которым втайне очень гордилась. Поэтому я ответила ей как положено. Сказала, что да, у меня всё в порядке, хотя спала я плохо, потому что волновалась, автобус опоздал, и, кажется, я немного простужаюсь.

She listened to all of it with an expression of polite alarm. Then she said, "Oh dear. Well, Priya will be down in a minute," and went back to her screen.

Она выслушала всё это с выражением вежливой тревоги. Потом сказала: «Ох, сочувствую. Ну, Прия сейчас спустится», — и вернулась к экрану.

That was my first lesson. "You alright?" is not a question. It is a way of saying hello. The correct answer is "Yeah, you?", and the correct answer to that is "Yeah." Nobody wants to know about your cold.

Это был мой первый урок. «You alright?» — не вопрос. Это способ поздороваться. Правильный ответ: «Yeah, you?», а правильный ответ на это: «Yeah». Про вашу простуду никто знать не хочет.

Priya turned out to be the office manager — a small, fast-talking woman of about forty with silver rings on every finger and a laugh you could hear from the car park. She showed me my desk, the kitchen, the printer that only worked if you spoke kindly to it, and the fire exit. Then she looked at me thoughtfully.

Прия оказалась офис-менеджером — маленькой, быстро говорящей женщиной лет сорока с серебряными кольцами на каждом пальце и смехом, который было слышно с парковки. Она показала мне мой стол, кухню, принтер, который работал, только если с ним ласково разговаривать, и пожарный выход. Потом задумчиво на меня посмотрела.

"Your English is very good," she said.

— *У тебя очень хороший английский, — сказала она.*

"Thank you."

— *Спасибо.*

"No, I mean it. Which is why you're going to have a terrible week."

— *Нет, я серьёзно. Именно поэтому неделя у тебя будет ужасная.*

I didn't understand what she meant. By Wednesday, I did.

Я не поняла, что она имела в виду. К среде поняла.

* * *

The job itself was not difficult. I was a project coordinator: I kept track of deadlines, booked meetings, chased suppliers, and made sure that the people who drew beautiful buildings also remembered to send invoices for them. In Russia I had done something similar for an engineering

company for eight years. I knew how projects worked. What I didn't know was how the English worked.

Сама работа была несложной. Я была координатором проектов: следила за сроками, назначала встречи, напоминала поставщикам о заказах и заботилась о том, чтобы люди, рисующие красивые здания, не забывали выставять за них счета. В России я восемь лет занималась чем-то похожим в инженерной компании. Как устроены проекты, я знала. Я не знала, как устроены англичане.

On Tuesday there was a meeting with a client — a property developer called Mr Hollis, who wanted to turn an old chocolate factory into flats. He had an idea. His idea was to paint the entire building purple, "to remind people of chocolate wrappers".

Во вторник была встреча с клиентом — застройщиком мистером Холлисом, который хотел превратить старую шоколадную фабрику в жилой дом. У него была идея. Идея заключалась в том, чтобы покрасить всё здание в фиолетовый цвет, «чтобы люди вспоминали шоколадные обёртки».

Malcolm Webb, the senior partner, listened with his fingertips pressed together. He was in his sixties, tall and grey, with the kind of calm face that made you want to confess things. When Mr Hollis had finished, Malcolm nodded slowly.

Малкольм Уэбб, старший партнёр, слушал, сложив кончики пальцев. Ему было за шестьдесят — высокий, седой, с тем спокойным лицом, перед которым хочется во всём признаться. Когда мистер Холлис закончил, Малкольм медленно кивнул.

"That's a very interesting idea," he said. "Very brave. We'll certainly bear it in mind."

— Очень интересная идея, — сказал он. — Очень смелая. Мы непременно это учтём.

I wrote it down carefully in my notebook: ACTION — Malcolm to consider purple paint. After the meeting, I put it in the project plan and sent the plan to everyone.

Я старательно записала в блокнот: «ЗАДАЧА — Малкольм рассматривает фиолетовую краску». После встречи я внесла это в план проекта и разослала план всем.

Ten minutes later, Priya appeared next to my desk. She was trying very hard not to laugh.

Через десять минут у моего стола возникла Прия. Она изо всех сил старалась не смеяться.

"Nadia, love. Item six."

— Надя, милая. Пункт шестой.

"The purple paint?"

— Фиолетовая краска?

"There is no purple paint. There will never be any purple paint. 'Very interesting' means he thinks it's mad. 'Very brave' means it's the worst idea he's heard this year. And 'We'll bear it in mind' means it's already dead and buried."

— Никакой фиолетовой краски нет. И никогда не будет. «Очень интересно» значит: он считает это безумием. «Очень смело» — худшая идея, которую он слышал в этом году. А «мы учтём» — что идея уже умерла и похоронена.

"But he said—"

— Но он сказал...

"I know what he said." She took a paper napkin from her pocket, smoothed it out on my desk and drew a line down the middle. On the left she wrote *What they say*. On the right, *What they mean*. "Right," she said. "Lesson one."

— Я знаю, что он сказал. — Она достала из кармана бумажную салфетку, разгладила её на моём столе и провела посередине черту. Слева написала: «Что говорят». Справа — «Что имеют в виду». — Так, — сказала она. — Урок первый.

* * *

The napkin filled up quickly.

Салфетка заполнилась быстро.

With the greatest respect — You are wrong, and possibly an idiot.

«При всём уважении» — Вы неправы и, возможно, идиот.

I'm sure it's my fault, but... — It is your fault.

«Наверняка это я виновата, но...» — Виноваты вы.

Quite good — Not good. (Unless an American says it. Then it's good. Don't ask.)

«Вполне неплохо» — Плохо. (Если только это не говорит американец. Тогда хорошо. Не спрашивай.)

I hear what you're saying — I disagree and I'm not going to discuss it.

«Я слышу, что вы говорите» — Я не согласен и обсуждать это не намерен.

Could we possibly...? — We are going to do this.

«А не могли бы мы...?» — Мы это сделаем.

Not bad — Good.

«Неплохо» — Хорошо.

I stared at the last line. "So when they say something is bad, it's good?"

Я уставилась на последнюю строчку.

— То есть если говорят, что плохо, значит, хорошо?

"No. When they say something is *not* bad, it's good. When they say it's bad, it's bad. When they say it's *interesting*, it's terrible."

— Нет. Если говорят «неплохо», значит, хорошо. Если говорят «плохо» — плохо. Если говорят «интересно» — ужасно.

"This is a very stupid language," I said.

— Очень глупый язык, — сказала я.

"It's not the language," said Priya. "It's the people. My parents came from Gujarat. Took my mum twenty years to work out that when the neighbour said 'You must come round for dinner sometime', it meant 'Please never come round for dinner.'"

— Дело не в языке, — сказала Прия. — Дело в людях. Мои родители приехали из Гуджарата. У мамы ушло двадцать лет, чтобы понять: когда соседка говорит «Вы непременно должны как-нибудь зайти к нам на ужин», это значит «Пожалуйста, никогда не приходите к нам на ужин».

* * *

On Wednesday Malcolm stopped by my desk and looked at my spreadsheet for a long moment.
В среду Малкольм остановился у моего стола и долго смотрел в мою таблицу.

"I'm sure it's my fault," he said gently, "but I don't quite follow this."

— Наверняка это моя вина, — мягко сказал он, — но я не совсем улавливаю, что здесь к чему.

I had the napkin in my drawer. I didn't need it. My face went hot. "I'll redo it," I said.

Салфетка лежала у меня в ящике. Она мне не понадобилась. Лицо вспыхнуло.

— Я переделаю, — сказала я.

"Oh, there's no rush," said Malcolm, which — I checked later — meant *by tomorrow morning*.

— О, никакой спешки, — сказал Малкольм, что — я потом проверила — означало «к завтрашнему утру».

I stayed late that evening and rebuilt the whole thing. I colour-coded it. I added a summary page. On the bus home I thought about my first evening class, three years ago, when I couldn't even spell my own name without shaking. *Then* the problem had been the words. Now I knew the words. The problem was everything in between them.

В тот вечер я задержалась и переделала всё целиком. Раскрасила по цветам. Добавила сводную страницу. В автобусе по дороге домой я думала о своём первом вечернем занятии

три года назад, когда я не могла продиктовать по буквам собственное имя, не дрожа. Тогда проблемой были слова. Теперь слова я знала. Проблемой было всё, что между ними.

* * *

By Thursday I was becoming almost paranoid. When the tea round came to me — Priya had explained that in an English office, whoever wants a cup of tea must offer to make one for everybody, or face silent but eternal judgement — I took orders like a waitress, with a notebook.

К четвергу у меня началась почти паранойя. Когда очередь заваривать чай дошла до меня — Прия объяснила, что в английском офисе тот, кто хочет чаю, обязан предложить сделать его всем, иначе его ждёт молчаливое, но вечное осуждение, — я принимала заказы, как официантка, с блокнотом.

"Milk, no sugar," said Dave from structural engineering.

— *С молоком, без сахара, — сказал Дейв из конструкторского отдела.*

"Do you mean that," I asked, "or do you mean the opposite?"

— *Это вы всерьёз, — спросила я, — или имеется в виду наоборот?*

Dave looked at me for a very long time. Then, slowly, as if speaking to a dangerous animal, he said: "Milk. No sugar."

Дейв очень долго на меня смотрел. Потом медленно, будто обращаясь к опасному зверю, сказал:

— *С молоком. Без сахара.*

Priya laughed so loudly that Malcolm came out of his office to see what had happened.

Прия захохотала так громко, что Малкольм вышел из кабинета посмотреть, что случилось.

* * *

On Friday afternoon I sent Malcolm my first proper report — a full review of the chocolate factory project, with timelines, risks and costs. I had worked on it all week. I had checked every number twice and every sentence three times. I had even included, in a small footnote on page nine, a polite suggestion that a dark brown door might "reference the building's history without the risks associated with a fully purple facade". I was rather proud of that sentence.

В пятницу днём я отправила Малкольму свой первый настоящий отчёт — полный обзор проекта шоколадной фабрики со сроками, рисками и затратами. Я работала над ним всю неделю. Каждую цифру проверила дважды, каждое предложение — трижды. Даже вставила на девятой странице маленькую сноску с вежливым предложением: тёмно-коричневая дверь могла бы «отсылать к истории здания без рисков, связанных с полностью фиолетовым фасадом». Этой фразой я, признаться, гордилась.

At four o'clock he came out of his office holding the printed report. He stopped by my desk. The whole office went slightly quiet, the way offices do.

В четыре он вышел из кабинета с распечатанным отчётом в руках. Остановился у моего стола. Весь офис слегка притих, как это бывает в офисах.

"Nadia," he said. He turned a few pages. He paused at page nine, and something happened at the corner of his mouth. Then he closed the report and looked at me over his glasses.

— *Надя, — сказал он. Перелистнул несколько страниц. Задержался на девятой, и в уголке его рта что-то дрогнуло. Потом закрыл отчёт и посмотрел на меня поверх очков.*

"Not bad," he said. "Not bad at all, actually."

— *Неплохо, — сказал он. — Совсем неплохо, вообще-то.*

And he walked back to his office.

И ушёл обратно к себе.

I sat very still. *Not bad.* After a week of work. *Not bad at all* — which surely meant *quite good*, which, according to the napkin, meant *not good*. I felt my eyes getting hot. I stood up, walked calmly

to the ladies' toilet, locked myself in and stood there breathing, the way I used to stand outside the classroom door three years ago.

Я сидела не шевелясь. «Неплохо». После недели работы. «Совсем неплохо» — что, видимо, значило «вполне неплохо», а это, согласно салфетке, значило «плохо». Глаза защищала. Я встала, спокойно дошла до женского туалета, заперлась и стояла, просто дыша, — так же, как три года назад стояла перед дверью класса.

There was a knock. "Nadia? It's me."

Раздался стук.

— *Надя? Это я.*

I opened the door. Priya was standing there with two mugs of tea and an expression I had not seen on her face before. It was something close to awe.

Я открыла. На пороге стояла Прия с двумя кружками чая и с выражением, которого я у неё раньше не видела. Это было что-то близкое к благоговению.

"Did he say 'actually'?" she asked.

— *Он сказал «вообще-то»? — спросила она.*

"Yes. 'Not bad at all, actually.'"

— *Да. «Совсем неплохо, вообще-то».*

She put down the mugs on the edge of the sink, very carefully, as if her hands had stopped working.

Она очень осторожно поставила кружки на край раковины — будто руки перестали её слушаться.

"Nadia. I have worked for that man for six years. He has said 'not bad' to me perhaps four times. He has never — not once — said 'actually'. Dave has been here eleven years. Dave would *kill* for an 'actually'."

— *Надя. Я работаю с этим человеком шесть лет. «Неплохо» он сказал мне, может, раза четыре. И ни разу — ни единого раза — не сказал «вообще-то». Дейв здесь одиннадцать лет. Дейв бы убил за «вообще-то».*

"So it's... good?"

— *Значит, это... хорошо?*

"From Malcolm, that's practically a standing ovation."

— *Для Малкольма это практически овация стоя.*

I started to laugh, and then I couldn't stop, and then Priya was laughing too, and the two of us stood in the ladies' toilet of Hartley & Webb Architects holding our tea and laughing until the receptionist knocked to ask if we were alright — and this time I knew exactly what to say.

Я начала смеяться и не могла остановиться, а потом засмеялась и Прия, и мы стояли вдвоём в женском туалете бюро «Хартли и Уэбб» с чаем в руках и хохотали, пока администратор не постучала спросить, всё ли у нас в порядке, — и на этот раз я точно знала, что ответить.

"Yeah," I said. "You?"

— *Yeah, — сказала я. — You?*

* * *

That evening, at home, I took the napkin out of my bag and smoothed it on the kitchen table. Misha read it over my shoulder and laughed for a long time. Then I took a pen and added a new line at the bottom.

Вечером дома я достала салфетку из сумки и разгладила её на кухонном столе. Миша прочитал её у меня через плечо и долго смеялся. Потом я взяла ручку и дописала внизу новую строчку.

Not bad, actually — Excellent. (Very rare. Keep this napkin.)

«Неплохо, вообще-то» — Отлично. (Большая редкость. Сохрани эту салфетку.)

I still have it. It's on the fridge, under a magnet shaped like a London bus. Three years ago I thought that learning a language meant learning its words. Now I know that's only half of it. The other half lives in the spaces between the words — and that, it turns out, is where most of the English actually are.

Она до сих пор у меня. Висит на холодильнике под магнитом в виде лондонского автобуса. Три года назад я думала, что выучить язык — значит выучить его слова. Теперь я знаю, что это только половина. Вторая половина живёт в промежутках между словами — и именно там, как выяснилось, по-настоящему живёт английский. И сами англичане тоже.

Words & Phrases / Слова и выражения

You alright? — (брит., разг.) Привет! Как оно? (приветствие, а не вопрос)

to keep track of — следить за, отслеживать

to chase (suppliers) — подгонять, напоминать (поставщикам)

to bear something in mind — иметь в виду, учитывать (в вежливой речи часто = «забудем об этом»)

brave (idea) — смелая (идея); в британской вежливости часто = безрассудная

dead and buried — окончательно похоронено, решённый вопрос

with the greatest respect — при всём уважении (= я категорически не согласен)

to work out — понять, разобраться

there's no rush — не к спеху (иногда = нужно срочно)

the tea round — «чайный круг»: заварить чай на всех

a standing ovation — овация стоя

actually — вообще-то, на самом деле (в устах сдержанного британца — сильный усилитель)

DAY 2

Reply All

At 9:47 on a grey Monday morning in Glasgow, Callum Reid pressed Send, leaned back in his chair, and took a long, satisfied sip of coffee. It was the last peaceful moment of his day.

В 9:47 серым понедельничным утром в Глазго Каллум Рид нажал «Отправить», откинулся на спинку стула и сделал долгий, довольный глоток кофе. Это была последняя спокойная минута его дня.

The email had taken him most of Sunday evening. It was addressed — or so he believed — to his friend Aisha, who sat four desks away and who had spent the whole of Friday's all-staff meeting drawing tiny horses in the margin of her notebook. The meeting had been about Project Unicorn.

Над письмом он просидел почти весь воскресный вечер. Адресовано оно было — как он думал — его подруге Аише, которая сидела через четыре стола от него и всё пятничное общее собрание рисовала на полях блокнота крошечных лошадок. Собрание было посвящено «Проекту Единорог».

Project Unicorn was the personal vision of Morag Dunlop, founder and chief executive of Kelpie Creative, a marketing agency of a hundred and forty people on the fourth floor of an old shipping office near the river. Under Project Unicorn, the agency would change its name to KLP ("It's cleaner," said Morag), adopt the new company value "Be More Kelpie" (nobody knew what this meant), and begin every Friday with a fifteen-minute "energy huddle" in which staff would stand in a circle and share one thing that made them "feel unstoppable".

«Проект Единорог» был личным видением Мораг Данлоп — основательницы и генерального директора «Кельпи Криэйтив», маркетингового агентства на сто сорок человек, занимавшего четвёртый этаж старого здания паромной компании у реки. По «Проекту Единорог» агентство меняло название на KLP («Так чище», — сказала Мораг), принимало новую корпоративную ценность «Будь больше кельпи» (что это значит, не знал никто) и начинало каждую пятницу пятнадцатиминутной «энергетической летучкой», на которой сотрудники вставали в круг и делились чем-то одним, от чего они «чувствуют себя неудержимыми».

Callum had written five points. They were, he thought, rather good points. Point one explained, politely but firmly, that "KLP" sounded like a medical condition. Point two noted that a kelpie, in Scottish legend, was a water horse that drowned people, and asked whether this was really the brand message they wanted. Point three suggested that the energy huddle would make half the office want to resign and the other half actually resign. Point four was a joke about Morag's new standing desk, which he regretted slightly. And point five — the one he'd rewritten six times — was a serious, carefully argued plan for what the agency should do instead.

Каллум написал пять пунктов. Пункты, как ему казалось, были весьма неплохие. Первый вежливо, но твёрдо объяснял, что «KLP» звучит как название болезни. Во втором отмечалось, что кельпи в шотландских легендах — водяная лошадь, которая топит людей, и задавался вопрос, такой ли посыл они хотят вложить в бренд. В третьем высказывалось предположение, что от энергетической летучки половине офиса захочется уволиться, а вторая половина уволится на самом деле. Четвёртый был шуткой про новый стол Мораг для работы стоя — о ней он слегка жалел. А пятый — тот, что он переписывал шесть раз, — был серьёзным, тщательно аргументированным планом того, что агентству стоило бы делать вместо всего этого.

He had started typing "Aisha" into the address box, the computer had helpfully suggested a name beginning with A, and he had pressed Enter without looking.

Он начал набирать в строке адреса «Аиша», компьютер услужливо предложил имя на «А», и Каллум нажал Enter не глядя.

The name beginning with A was All Staff.

Имя на «А» было «Все сотрудники».

** * **

He realised at 9:49, when the office went quiet in a way he had never heard before. It wasn't silence exactly. It was the sound of a hundred and forty people reading.

Он понял это в 9:49, когда в офисе наступила тишина, какой он никогда раньше не слышал. Не то чтобы совсем тишина. Это был звук ста сорока читающих людей.

Then someone near the window laughed, and quickly turned it into a cough. Then someone else did the same. Then Aisha's head appeared above her monitor, her eyes enormous, and she mouthed a single word at him that cannot be printed in a book for language learners.

Потом кто-то у окна засмеялся и тут же превратил смех в кашель. Потом кто-то ещё. Потом над монитором показалась голова Аиши с огромными глазами, и она беззвучно произнесла одно слово, которое нельзя печатать в книге для изучающих язык.

Callum looked at his screen. He looked at the address line. He felt his stomach drop through the floor, through the three floors below, and into the river.

Каллум посмотрел на экран. Посмотрел на строку адреса. Почувствовал, как сердце ухнуло вниз — сквозь пол, сквозь три нижних этажа — прямо в реку.

There was a button called Recall This Message. He pressed it. A little box appeared to tell him that the recall had failed for 139 recipients and succeeded for one. The one was Aisha, who had already read it.

Была кнопка «Отозвать сообщение». Он её нажал. Появилось маленькое окошко и сообщало, что отзыв не удался для 139 получателей и удался для одного. Этим одним была Аиша, которая уже всё прочитала.

** * **

By ten o'clock, things had escalated.

К десяти ситуация вышла из-под контроля.

Somebody in Accounts replied all with the words "Please remove me from this list." Somebody in Design replied all with "Me too." A junior copywriter replied all with a GIF of a horse falling into a swimming pool, and was immediately replied to, by all, by an HR manager reminding everyone of the company's policy on appropriate use of email. Fourteen people then replied all asking everyone to stop replying all.

Кто-то из бухгалтерии ответил всем: «Пожалуйста, удалите меня из этой рассылки». Кто-то из дизайнеров ответил всем: «Меня тоже». Младший копирайтер ответил всем гифкой, где лошадь падает в бассейн, и ему тут же — тоже всем — ответила менеджер по персоналу, напомнив о корпоративных правилах пользования почтой. После этого четырнадцать человек ответили всем с просьбой ко всем перестать отвечать всем.

Callum ran down two flights of stairs to the IT room, where a large, calm man called Rab was eating a sausage roll.

Каллум сбежал на два пролёта вниз, в айти-отдел, где крупный невозмутимый мужчина по имени Раб ел булочку с сосиской.

"Rab. You have to delete an email. From everybody's inbox. Right now."

— Раб. Тебе нужно удалить письмо. Из всех ящиков. Прямо сейчас.

Rab chewed thoughtfully. "Is it the one about the water horse?"

Раб задумчиво жевал.

— Это которое про водяную лошадь?

"Yes."

— Да.

"Aye, I read it. Point two was brilliant." He wiped his fingers. "I can delete it, but I need written approval from the chief executive."

— Ага, читал. Второй пункт — блеск. — Он вытер пальцы. — Удалить могу, но мне нужно письменное разрешение генерального директора.

"Rab, the chief executive is the *subject* of the email."

— Раб, письмо как раз про генерального директора.

"Then you've got a wee problem," said Rab, not unkindly, and went back to his sausage roll.

— Тогда у тебя небольшая проблемка, — сказал Раб без всякой злобы и вернулся к булочке.

* * *

There was one piece of good news, and Aisha delivered it at the coffee machine. Morag was in London all day, pitching to a client, and her assistant had confirmed that she never read email during pitches. She was taking the 3:30 train back, which arrived at Glasgow Central just before eight.

Одна хорошая новость всё-таки была, и Аиша сообщила её у кофемашины. Мораг весь день была в Лондоне на презентации у клиента, а её ассистентка подтвердила, что во время презентаций та никогда не читает почту. Она возвращалась поездом в 15:30, который прибывал на Центральный вокзал Глазго около восьми.

"So she'll read it on the train," said Callum. "Four and a half hours of wifi and nothing to do."

— Значит, прочитает в поезде, — сказал Каллум. — Четыре с половиной часа вайфая и делать нечего.

"Unless," said Aisha slowly, "the wifi on that train is as bad as it usually is."

— Разве что, — медленно сказала Аиша, — вайфай в этом поезде такой же ужасный, как обычно.

They looked at each other. It was a long shot, but it was the only shot they had.

Они переглянулись. Шанс был ничтожный, но другого не было.

For the rest of the afternoon Callum considered his options. He could resign before she sacked him. He could claim his account had been hacked — but nobody would believe a hacker had written a careful, four-page argument about brand architecture. He could move to Canada. He wrote three different resignation letters and deleted them all. By five o'clock he had decided on the only thing that seemed even slightly dignified: he would tell her himself, face to face, before she read it.

Остаток дня Каллум перебирал варианты. Можно уволиться самому, пока его не уволили. Можно заявить, что почту взломали, — но никто не поверит, что хакер написал вдумчивый текст на четыре страницы об архитектуре бренда. Можно переехать в Канаду. Он написал три разных заявления об уходе и все удалил. К пяти он остановился на единственном варианте, который казался хоть немного достойным: он скажет ей сам, лицом к лицу, пока она не прочитала.

* * *

At 7:50 he was standing on platform 1 at Glasgow Central, holding a coffee he had bought for Morag as a kind of peace offering and then realised he didn't know how she took it. The train came in eleven minutes late. Morag Dunlop got off near the front — a small woman in a long red coat, phone in hand, reading.

В 19:50 он стоял на первой платформе Центрального вокзала Глазго с кофе, купленным для Мораг в знак примирения, — и только потом сообразил, что не знает, какой кофе она пьёт. Поезд пришёл с опозданием на одиннадцать минут. Мораг Данлоп вышла из передних вагонов — маленькая женщина в длинном красном пальто, с телефоном в руке. Она читала.

She looked up and saw him. She did not look surprised.

Она подняла глаза и увидела его. Удивлённой она не выглядела.

"Callum," she said. "Is that for me?"

— Каллум, — сказала она. — Это мне?

He handed her the coffee. "I didn't know how you take it. I'm sorry. About — everything. I meant to send it to Aisha, and the address—"

Он протянул ей стакан.

— *Я не знал, какой вы пьёте. Простите. За... всё. Я хотел отправить это Аише, а адрес...*

"The wifi was excellent today," said Morag. "For the first time in living memory." She took a sip of the coffee and made a small face. "I've read it three times."

— *Вайфай сегодня был превосходный, — сказала Мораг. — Впервые на моей памяти. — Она отпила кофе и слегка поморщилась. — Я прочитала его трижды.*

Callum waited for the end of his career.

Каллум ждал конца своей карьеры.

"Point four is unkind and also wrong," she said. "My standing desk is excellent for my back, and I'll thank you not to mention it again." She paused. "The other four points are correct."

— *Четвёртый пункт — злой и к тому же неверный, — сказала она. — Мой стол для работы стоя прекрасно помогает спине, и я попрошу вас больше о нём не упоминать. — Она помолчала. — Остальные четыре пункта верны.*

He opened his mouth. Nothing came out.

Он открыл рот, но не смог выдать ни звука.

"Do you know what I find interesting?" Morag went on, walking towards the exit so that he had to follow her. "I presented Project Unicorn to the senior team three weeks ago. Eight people. Every one of them said it was 'an exciting direction'. One of them said it was 'bold'. Not one of them told me it sounded like a skin disease named after a horse that drowns people." She glanced at him. "Why do you think that is?"

— *Знаете, что мне кажется интересным? — продолжала Мораг, направляясь к выходу, так что ему пришлось идти следом. — Три недели назад я представила «Проект Единорог» руководству. Восемь человек. Каждый сказал, что это «захватывающее направление». Один сказал, что это «смело». Ни один не сказал мне, что это звучит как кожная болезнь, названная в честь лошади, которая топит людей. — Она взглянула на него. — Как вы думаете, почему?*

"Because you're the boss?"

— *Потому что вы начальник?*

"Because I'm the boss." She sighed. "When you run a company, people stop telling you the truth. Not because they're bad people. Because it's easier. And then one day you look up and you're standing in a circle on a Friday morning asking grown adults what makes them feel unstoppable."

— *Потому что я начальник. — Она вздохнула. — Когда руководишь компанией, люди перестают говорить тебе правду. Не потому, что они плохие. Просто так проще. И в один прекрасный день оглядываешься — а ты стоишь в кругу в пятницу утром и спрашиваешь взрослых людей, от чего они чувствуют себя неудержимыми.*

They had reached the street. It was raining, as it generally is in Glasgow.

Они вышли на улицу. Шёл дождь — в Глазго он идёт почти всегда.

"Point five," said Morag. "The plan. Can you actually do that?"

— *Пятый пункт, — сказала Мораг. — План. Вы правда можете это сделать?*

"I — yes. I think so. With a small team."

— *Я... да. Думаю, да. С небольшой командой.*

"Good. You're leading it. You start tomorrow. I want a proposal by Friday." She pulled out her phone, typed for a few seconds, and pressed a button with obvious pleasure. "There."

— *Хорошо. Возглавите. Начинаете завтра. Предложение жду к пятнице. — Она достала телефон, несколько секунд печатала и с явным удовольствием нажала кнопку. — Вот.*

Callum's phone buzzed in his pocket. It was an email, from Morag Dunlop, to All Staff.

У Каллума в кармане завибрировал телефон. Письмо от Мораг Данлон. Всем сотрудникам.

Callum is right. Project Unicorn is cancelled. So is the energy huddle. Callum will be leading what happens next — please give him all your support. And please, for the love of God, stop replying all. — M.

«Каллум прав. „Проект Единорог“ отменяется. Энергетическая летучка — тоже. Дальнейшую работу возглавит Каллум — прошу всех его поддержать. И, ради всего святого, перестаньте отвечать всем. — М.»

By the time he got home, he had forty-three replies. Every single one of them had been sent to All Staff.

К тому времени, как он добрался до дома, ответов пришло сорок три. И все до единого — всем сотрудникам.

Words & Phrases / Слова и выражения

reply all — «ответить всем» (кнопка в почте)

all-staff meeting — общее собрание сотрудников

to feel one's stomach drop — похолодеть, сердце упало

to escalate — обостряться, выходить из-под контроля

a long shot — маловероятный вариант, слабая надежда

wee — (шотл.) маленький

aye — (шотл., сев.) да

a peace offering — подарок в знак примирения

in living memory — на памяти живущих, на моей памяти

I'll thank you not to... — попрошу вас не... (холодно-вежливо)

for the love of God — ради всего святого

bold — смелый, дерзкий (в офисной речи — часто сомнительный)

DAY 3

The Ghostwriter

Imogen Pryce had written eleven books, and her name was on none of them.

Имоджен Прайс написала одиннадцать книг, и ни на одной из них не стояло её имя.

She had been a footballer who had never read a book in his life, a pop star who had found peace in Bali, a former government minister who had been "misunderstood by history". She had been a racehorse trainer, a reality-TV villain and, once, rather memorably, a dog. She sat with these people for hours, recorded their voices, learned the way they spoke and the jokes they told, and then she went home to her small flat in Hackney and became them on the page. When the books came out, their faces were on the cover, and in the acknowledgements, if she was lucky, she was "my brilliant editor, Imogen".

Она была футболистом, который в жизни не прочитал ни одной книги, поп-звездой, обретшей покой на Бали, бывшим министром, которого «не поняла история». Она была тренером скаковых лошадей, злодейкой реалити-шоу и однажды — этот случай запомнился — собакой. Она часами сидела с этими людьми, записывала их голоса, запоминала, как они говорят и какие шутки рассказывают, а потом ехала в свою маленькую квартиру в Хакни и превращалась в них на бумаге. Когда книги выходили, на обложке были их лица, а в благодарностях, если повезёт, она значилась как «мой блестящий редактор Имоджен».

She didn't mind. Ghostwriting paid the rent, and she was good at it. The trick, she always said, was to disappear completely.

Её это не задевало. Работа литературным «призраком» оплачивала аренду, и у неё это хорошо получалось. Весь фокус, как она всегда говорила, в том, чтобы исчезнуть полностью.

Her twelfth book was going to be her biggest. Dominic Hale was the most loved chef in Britain — not the most talented, perhaps, but the most loved. For twenty-five years he had been on television every Saturday morning, cheerful and red-faced, cooking simple food for ordinary families. And every programme, sooner or later, came back to the same story.

Двенадцатая книга обещала стать самой крупной. Доминик Хейл был самым любимым шеф-поваром Британии — не самым талантливым, пожалуй, но самым любимым. Двадцать пять лет он каждую субботу утром появлялся на экране — весёлый, краснолицый — и готовил простую еду для обычных семей. И каждая передача рано или поздно возвращалась к одной и той же истории.

"When I was a lad in Sheffield," he would say, stirring something, "we had nothing. Nothing in the cupboard. And my mum — God bless her — she'd take an onion and two potatoes and turn them into a feast. That's what cooking is. Love and an onion."

«Когда я был мальчишкой в Шеффилде, — говорил он, что-то помешивая, — у нас ничего не было. Шаром покати. А мама — храни её господь — брала луковицу и две картофелины и превращала их в пир. Вот что такое готовка. Любовь и луковица».

The publishers had already chosen the title: *Nothing in the Cupboard*. They had paid Imogen half of a very large fee. The other half would arrive when the manuscript did.

Издательство уже выбрало название: «Шаром покати». Имоджен заплатили половину очень крупного гонорара. Вторая половина должна была прийти вместе с рукописью.

* * *

The interviews went well. Dominic was charming, generous, a natural storyteller. He told her about the cold house, the coins in the electricity meter, his mother's famous Sunday stew. He cried, a little, every time. Imogen recorded it all and went home and started writing, and the voice came easily.

Интервью шли хорошо. Доминик был обаятелен, щедр, прирождённый рассказчик. Он рассказывал ей о холодном доме, о монетках, которые бросали в электросчётчик, о знаменитом воскресном рагу своей матери. И каждый раз немного плакал. Имоджен всё записывала, ехала домой, садилась писать, и голос давался легко.

It was only in the third month that something began to feel wrong. It was a small thing. Dominic had said his school was "the roughest in Sheffield", but when Imogen looked it up, she found it had been a grammar school — selective, academic, rather posh. She mentioned it lightly at their next meeting, and Dominic laughed and said she must have the wrong school. But he changed the subject a little too quickly.

Лишь на третий месяц ей стало казаться, что что-то не так. Мелочь. Доминик говорил, что его школа была «самой хулиганской в Шеффилде», но когда Имоджен посмотрела, выяснилось, что это была гимназия — с отбором, с академическим уклоном, довольно престижная. На следующей встрече она вскользь об этом упомянула, Доминик засмеялся и сказал, что она, должно быть, перепутала школу. Но сменил тему чуть слишком быстро.

A good ghostwriter checks everything. So the following weekend, Imogen took the train to Sheffield.

Хороший «призрак» проверяет всё. Поэтому в следующие выходные Имоджен села на поезд до Шеффилда.

* * *

Dominic's older sister, Carol, lived in a neat semi-detached house in the suburbs, the kind with a conservatory and a very clean car. She was a retired pharmacist, sharp and dry, and she agreed to talk only because Imogen said she was "filling in background details".

Старшая сестра Доминика, Кэрол, жила в аккуратном доме на две семьи в пригороде — из тех, где есть зимний сад и очень чистая машина. Фармацевт на пенсии, суховатая и острая на язык, она согласилась поговорить только потому, что Имоджен сказала, будто «уточняет детали биографии».

"Nothing in the cupboard?" Carol repeated, and laughed so hard she had to put her tea down. "Love, our dad was a bank manager. We had a cupboard *full* of things. We had a holiday in Spain every summer."

— Шаром покати? — переспросила Кэрол и засмеялась так, что ей пришлось поставить чашку. — Милая, наш отец был управляющим банка. У нас кладовка ломила. Мы каждое лето ездили отдыхать в Испанию.

"And your mother's Sunday stew?"

— А воскресное рагу вашей мамы?

"Mum couldn't boil an egg. Lovely woman. Terrible cook. She'd have burned water if you let her." Carol's face softened. "No. If you want to know where Dommie learned to cook, it was next door. Mrs Nowak."

— Мама не могла сварить яйцо. Чудесная женщина. Ужасная кухарка. Она бы и воду сожгла, если дать ей волю. — Лицо Кэрол смягчилось. — Нет. Если хотите знать, где Домми научился готовить, — это у соседки. У миссис Новак.

Mrs Nowak, it turned out, had come to Sheffield from Poland after the war. She had been a widow with no children and a tiny kitchen that always smelled of dill and frying onions. From the age of seven, Dominic had spent every afternoon there. She had taught him to make pierogi, soup from nothing, bread that rose properly. She had let him burn things and laughed at him and made him do it again.

Миссис Новак, как выяснилось, приехала в Шеффилд из Польши после войны. Она была вдовой, детей у неё не было, а крошечная кухня всегда пахла укропом и жареным луком. С семи лет Доминик проводил там каждый день после школы. Она научила его лепить вареники,

варить суп из ничего, печь хлеб, который поднимается как надо. Она позволяла ему что-нибудь съесть, смеялась над ним и заставляла переделывать.

"The onion and two potatoes," said Carol. "That was her. She'd lived through things none of us could imagine. She really *had* had nothing in the cupboard."

— *Луковица и две картофелины, — сказала Кэрол. — Это она. Она пережила такое, что нам и не представить. Вот у неё в кладовке действительно было шаром покати.*

"Why did he never mention her?"

— *Почему он никогда о ней не упоминал?*

Carol shrugged. "Some TV producer, years ago, decided the poor-boy story was better. Dommie went along with it. And then it was too late to stop, wasn't it? It got bigger every year." She looked at Imogen over her glasses. "You're not just filling in background details, are you?"

Кэрол пожала плечами.

— *Какой-то телепродюсер много лет назад решил, что история про бедного мальчика лучше. Домми подыграл. А потом было уже поздно останавливаться, правда? С каждым годом она только разрасталась. — Она посмотрела на Имоджен поверх очков. — Вы ведь не просто уточняете детали биографии?*

* * *

On the train home Imogen didn't write a word. She sat looking out of the window at the dark fields and thought about her options.

В поезде по дороге домой Имоджен не написала ни слова. Она смотрела в окно на тёмные поля и думала, как быть.

She could write the book exactly as Dominic wanted. Nobody would know. Carol had said she would never talk to the press — "I'm not ruining my brother over a stew." The other half of the fee would arrive, and Imogen would finally be able to pay off her credit card and perhaps even take a holiday. Ghostwriters didn't have opinions. That was the job. Disappear completely.

Она могла написать книгу именно так, как хотел Доминик. Никто бы не узнал. Кэрол сказала, что никогда не станет говорить с прессой: «Я не собираюсь губить брата из-за рагу». Пришла бы вторая половина гонорара, и Имоджен наконец смогла бы погасить кредитку и, может быть, даже съездить в отпуск. У «призраков» нет мнений. Такая работа. Исчезнуть полностью.

Or she could refuse, walk away, and lose the money — and someone else would write the lie anyway.

Или можно было отказаться, уйти и потерять деньги — а ложь всё равно написал бы кто-то другой.

Somewhere near Leicester she realised there was a third option. It was riskier than either of the others. She opened her laptop and wrote until the train pulled into St Pancras.

Где-то под Лестером она поняла, что есть третий вариант. Он был рискованнее обоих. Она открыла ноутбук и писала, пока поезд не подошёл к вокзалу Сент-Панкрас.

* * *

She went to see Dominic on Monday morning, at his restaurant, before it opened. He was in the kitchen, alone, chopping onions — he said it calmed him. She didn't say anything about Sheffield. She just handed him six printed pages.

В понедельник утром, до открытия, она пришла к Доминику в ресторан. Он был на кухне один и резал лук — говорил, что это его успокаивает. Она ничего не сказала про Шеффилд. Просто протянула ему шесть распечатанных страниц.

"New first chapter," she said. "Tell me if I've got the voice right."

— *Новая первая глава, — сказала она. — Скажите, попала ли я в голос.*

The chapter began: *The first person who ever fed me properly was not my mother.*

Глава начиналась так: «Первым человеком, который по-настоящему меня накормил, была не моя мать».

It was about a seven-year-old boy standing on a chair in a tiny kitchen next door. It was about a woman with a strong accent and strong hands, who had lost almost everything and who taught a comfortable middle-class child that food was not about money but about attention. It was about dill and onions, and burning things, and doing them again. Imogen had written it in Dominic's voice — his exact voice, his jokes, his rhythms. She had never written anything better.

Глава была о семилетнем мальчике, который стоит на табуретке в крошечной соседской кухне. О женщине с сильным акцентом и сильными руками, которая потеряла почти всё и научила благополучного ребёнка из среднего класса, что еда — это не о деньгах, а о внимании. Об укропе и луке, о том, как что-то сжечь — и сделать заново. Имоген написала её голосом Доминика — его точным голосом, с его шутками, его ритмом. Ничего лучше она никогда не писала.

Dominic read it standing up, with the knife still in his hand. Halfway through, he put the knife down. When he got to the end, he didn't look up for a long time.

Доминик читал стоя, всё ещё с ножом в руке. На середине он положил нож. Дочитав, он долго не поднимал глаз.

"You've been to see Carol," he said at last.

— Вы ездили к Кэрол, — сказал он наконец.

"Yes."

— Да.

"I always meant to tell it properly. Every year I meant to. And every year it seemed—" He shook his head. "The producers loved the poor-boy thing. The viewers loved it. And Mrs Nowak died in 1998, so who was it hurting?"

— Я всегда собирался рассказать всё как было. Каждый год собирался. И каждый год казалось... — Он покачал головой. — Продюсерам нравилась история про бедного мальчика. Зрителям нравилась. А миссис Новак умерла в девяносто восьмом — кому от этого было плохо?

"Her," said Imogen quietly. "She's the reason you're standing in this kitchen. And nobody knows her name."

— Ей, — тихо сказала Имоген. — Это из-за неё вы стоите на этой кухне. А её имени никто не знает.

Dominic wiped his eyes with the back of his hand, and this time, she noticed, it wasn't for the camera. "The publishers will go mad," he said.

Доминик вытер глаза тыльной стороной ладони, и на этот раз, заметила она, не на камеру.

— Издатели взбесятся, — сказал он.

"Probably."

— Скорее всего.

"They've already printed the posters."

— Они уже напечатали плакаты.

"Posters can be reprinted."

— Плакаты можно перепечатать.

He looked at the pages again for a long time. Then he picked up his phone, and Imogen heard him say: "Sarah? It's Dominic. Sit down, love. We need to talk about the title."

Он снова долго смотрел на страницы. Потом взял телефон, и Имоген услышала:

— Сара? Это Доминик. Сядь, дорогая. Нам надо поговорить о названии.

* * *

The book came out the following autumn under a new title: *Mrs Nowak's Kitchen*. Some newspapers were unkind about the change of story; most were not. It sold more copies than any book Imogen had ever written, and Dominic's next television series was filmed partly in Poland, in the village where Mrs Nowak had been born.

Книга вышла следующей осенью под новым названием — «Кухня миссис Новак». Кое-какие газеты язвили по поводу переписанной биографии; большинство — нет. Книга разошлась большим тиражом, чем любая другая книга Имоджен, а следующий телесезон Доминика частично снимали в Польше, в деревне, где родилась миссис Новак.

Imogen's name, of course, was not on the cover. But on the first page, under the dedication, there were two lines that she read in the bookshop at King's Cross, standing up, with her coat still on.

Имени Имоджен на обложке, конечно, не было. Но на первой странице, под посвящением, были две строчки, которые она прочитала в книжном на Кингс-Кросс — стоя, не снимая пальто.

For Mrs Nowak, who fed me.

And for Imogen, who made me tell the truth.

Миссис Новак, которая меня кормила.

И Имоджен, которая заставила меня сказать правду.

For the first time in twelve books, the ghost had not completely disappeared. She found that she didn't mind that either.

Впервые за двенадцать книг «призрак» исчез не полностью. Оказалось, что и это её не задевает.

Words & Phrases / Слова и выражения

ghostwriter — гострайтер, «литературный призрак»: автор, который пишет книги за другого

to pay the rent — оплачивать аренду; (перен.) приносить деньги на жизнь

a natural storyteller — прирождённый рассказчик

grammar school — (брит.) государственная школа с отбором по способностям

posh — (разг.) шикарный, престижный, «для богатых»

semi-detached house — дом на две семьи (с общей стеной)

to go along with something — соглашаться, подыгрывать

to pay off (a credit card) — погасить (долг по карте)

to walk away — уйти, отказаться от участия

to get the voice right — точно передать манеру речи

to go mad — (разг.) прийти в ярость

for the camera — на камеру, напоказ

DAY 4

Overheard

I should say at the start that I am not in the habit of listening to other people's conversations. That is not quite true. I spent forty-one years as a professor of linguistics at Cambridge, and listening to other people's conversations was, in a sense, my job. Old habits die hard.

Сразу скажу, что я не имею привычки подслушивать чужие разговоры. Это не совсем правда. Сорок один год я был профессором лингвистики в Кембридже, и слушать чужие разговоры было, в некотором смысле, моей работой. Старые привычки живучи.

Since my wife died and I retired, I have taken my morning coffee at a small café called the Blue Teapot, on a side street not far from the river. I sit at the table by the window with a newspaper I rarely read, and I listen. Students, tourists, tired parents, two elderly sisters who have been arguing about a family recipe since 2019. For a man like me, it is better than television.

С тех пор как умерла жена и я вышел на пенсию, я пью утренний кофе в маленьком кафе «Синий чайник» в переулке недалеко от реки. Сажу за столиком у окна с газетой, которую редко читаю, и слушаю. Студенты, туристы, усталые родители, две пожилые сестры, которые с 2019 года спорят о семейном рецепте. Для человека вроде меня это лучшие телевизор.

On the Tuesday in question, a young couple sat down at the table next to mine. She was perhaps twenty-five, with short dark hair and a notebook covered in coloured tabs; he was a little older, long and thin, with the nervous energy of someone who drinks too much coffee. They ordered two flat whites and a lemon tart to share, and then she opened the notebook and said, quite clearly:

В тот самый вторник за соседний столик села молодая пара. Ей было лет двадцать пять — короткие тёмные волосы, блокнот, весь в цветных закладках; он чуть старше, длинный и худой, с нервной энергией человека, который пьёт слишком много кофе. Они заказали два флэт-уайта и лимонный тарт на двоих, а потом она открыла блокнот и вполне отчётливо сказала:

"Right. So we get them into the vault, lock the door, and they've got sixty minutes."

— *Так. Значит, заводим их в хранилище, запираем дверь, и у них шестьдесят минут.*

I turned a page of my newspaper.

Я перевернул страницу газеты.

* * *

Now, a linguist does not jump to conclusions. A linguist collects data. "Vault" might mean many things — a wine cellar, a tomb, a bank. "Lock the door" was, I admit, less ambiguous. I listened more carefully.

Лингвист не делает поспешных выводов. Лингвист собирает данные. «Хранилище» может означать многое — винный погреб, склеп, банк. «Запираем дверь» — тут, признаю, двусмысленности было меньше. Я стал слушать внимательнее.

"And what if they try to get out early?" said the young man.

— *А если они попытаются выбраться раньше? — спросил молодой человек.*

"They can't. Not without the code. And the code's hidden in the professor's books."

— *Не смогут. Без кода — нет. А код спрятан в книгах профессора.*

"Which professor?"

— *Какого профессора?*

"The professor. The old man. We need someone who really looks the part — grey hair, beard, glasses, tweed jacket. Someone they'll trust."

— *Того самого. Старика. Нам нужен кто-то, кто по-настоящему подходит на роль: седые волосы, борода, очки, твидовый пиджак. Кто-то, кому они поверят.*

I have grey hair, a beard and glasses. I was, at that moment, wearing a tweed jacket. I lowered my newspaper half an inch.

У меня седые волосы, борода и очки. В тот момент на мне был твидовый пиджак. Я опустил газету на сантиметр.

* * *

Consider, if you will, the evidence as it appeared to me. A vault. A locked door. A strict time limit. An elderly man who must be trusted — and, presumably, deceived. I mentally underlined the modal verbs. *We need someone. They can't get out.* There was a disturbing confidence in their grammar. These were not people speculating. These were people planning.

Взгляните, если угодно, на улики так, как они представлялись мне. Хранилище. Запертая дверь. Строгий лимит времени. Пожилой человек, которому должны поверить — и которого, по всей видимости, обманут. Я мысленно подчеркнул модальные глаголы. «Нам нужен кто-то. Они не смогут выбраться». В их грамматике была тревожная уверенность. Эти люди не рассуждали о возможном. Эти люди планировали.

"How much are we charging?" asked the young man.

— *Сколько берём? — спросил молодой человек.*

"Twenty-five each. Groups of six. If we do four sessions a day at weekends—" she did some quick sums in the notebook "—that's over a thousand pounds a weekend."

— *По двадцать пять с человека. Группы по шесть. Если по выходным делать четыре сеанса в день... — она быстро что-то подсчитала в блокноте, — выходит больше тысячи фунтов за выходные.*

"Sessions," I thought. "Groups." A ransom operation? Some kind of organised scheme in which tourists were locked in a cellar and released only on payment? It sounded absurd. But I had read the newspapers I did not read. Stranger things had happened in Cambridge.

«Сеансы», — подумал я. «Группы». Выкуп? Какая-то организованная схема, при которой туристов запирают в подвале и выпускают только за деньги? Звучало абсурдно. Но я ведь читал газеты, которые не читаю. В Кембридже случались вещи и пострашнее.

"And the professor's house?" said the young man. "When do we get in?"

— *А дом профессора? — спросил молодой человек. — Когда мы туда попадём?*

"Thursday. The landlord's giving us the keys. We'll have to move fast — strip out the old furniture, fake the bookshelves, hide the clues."

— *В четверг. Хозяин отдаёт нам ключи. Надо будет действовать быстро: вынести старую мебель, сделать фальшивые книжные полки, спрятать подсказки.*

"Clues." That was an odd word for a criminal to use. I made a note of it.

«Подсказки». Странное слово для преступника. Я его отметил.

* * *

I want to be honest about what happened next, because I am not proud of it. A sensible man would have finished his coffee and gone home. A brave man would have gone to the police. I did neither. Instead, I did what forty years of academic life had trained me to do: I constructed a theory and became completely attached to it.

Хочу честно рассказать, что было дальше, потому что я этим не горжусь. Благоразумный человек допил бы кофе и пошёл домой. Смелый пошёл бы в полицию. Я не сделал ни того, ни другого. Вместо этого я сделал то, чему меня научили сорок лет академической жизни: построил теорию и всем сердцем к ней привязался.

The theory went like this. The couple were planning to rent a house, fill it with fake books, lure groups of six people inside with the help of a respectable-looking old professor, lock them in a vault

and charge them twenty-five pounds each to get out. The young woman was clearly the brains. The young man was the muscle, if one could describe him as muscular, which one could not.

Теория была такая. Пара собиралась снять дом, заставить его фальшивыми книгами, заманивать внутрь группы по шесть человек с помощью почтенного на вид старого профессора, запираать их в хранилище и брать по двадцать пять фунтов за выход. Мозгом была явно молодая женщина. Молодой человек отвечал за грубую силу, если его можно было назвать сильным, а назвать было нельзя.

It was a ridiculous theory. I knew it was ridiculous even as I built it. But I had been alone for three years, and nothing very much had happened to me in that time, and here, suddenly, was a mystery at the next table, with a lemon tart.

Теория была нелепая. Я понимал это, даже пока её строил. Но я три года жил один, и за это время со мной ничего особенного не происходило, а тут вдруг — загадка за соседним столиком, да ещё с лимонным тарттом.

Then the young woman looked up, straight at me, and said to her companion, in a low voice that carried perfectly:

И тут молодая женщина подняла глаза, посмотрела прямо на меня и сказала спутнику тихим голосом, который был прекрасно слышен:

"Don't look now. The man at the window. He'd be perfect."

— *Не оборачивайся. Мужчина у окна. Он был бы идеален.*

* * *

There are moments in a man's life when he must choose between dignity and survival. I chose dignity. I folded my newspaper, finished my coffee, stood up, and walked the two steps to their table.

Бывают в жизни мужчины моменты, когда приходится выбирать между достоинством и выживанием. Я выбрал достоинство. Сложил газету, допил кофе, встал и сделал два шага к их столику.

"Forgive me," I said. "I'm afraid I've heard everything."

— *Простите, — сказал я. — Боюсь, я всё слышал.*

They looked at each other. The young man went pale. The young woman, however, smiled — a wide, delighted smile that was not at all the smile of a criminal who has been caught.

Они переглянулись. Молодой человек побледнел. Молодая женщина, однако, улыбнулась — широкой, восторженной улыбкой, совсем не похожей на улыбку пойманного преступника.

"Oh, brilliant," she said. "Saves us asking. Would you be interested?"

— *О, отлично, — сказала она. — Не придётся самим к вам подходить. Вам было бы интересно?*

"Interested," I repeated, "in what, exactly?"

— *Интересно — что именно? — переспросил я.*

"In being the professor. It's an escape room." She saw my face. "You know — a game. People pay to get locked in a room full of puzzles, and they've got an hour to find the clues and work out the code to escape. Ours is called *The Professor's Study*. There's a mad old professor who's hidden a secret formula in his library, and the players have to find it before he comes back. We were going to just use a recording of his voice, but it would be so much better with a real person. Just at the start. Five minutes, in costume, to set the scene."

— *Быть профессором. Это квест-комната. — Она увидела моё лицо. — Ну, знаете — игра. Люди платят, чтобы их заперли в комнате, полной головоломок, и у них есть час, чтобы найти подсказки, разгадать код и выбраться. Наша называется «Кабинет профессора». Есть безумный старый профессор, который спрятал в своей библиотеке секретную формулу, и игроки должны найти её, пока он не вернулся. Мы хотели просто включать запись его голоса, но с живым человеком было бы намного лучше. Только в начале. Пять минут, в костюме, задать атмосферу.*

"In costume," I said faintly.

— *В костюме, — слабым голосом произнёс я.*

"You're already wearing it," said the young man, who had recovered his colour.

— *Вы и так уже в нём, — сказал молодой человек, к которому вернулся цвет лица.*

* * *

Her name was Hana and his was Ollie. They had met at university, studying — I was pleased to learn — English literature, and both had decided they would rather build puzzles than write essays about them. They had saved for two years for this. The "vault" was a cupboard under the stairs, painted to look like a bank safe. The "professor's books" were three hundred second-hand paperbacks they had bought by the kilo.

Её звали Хана, а его — Олли. Они познакомились в университете, где изучали — к моему удовольствию — английскую литературу, и оба решили, что строить головоломки им нравится больше, чем писать о них эссе. Два года копили на эту затею. «Хранилищем» был чулан под лестницей, раскрашенный под банковский сейф. «Книгами профессора» — триста подержанных книжечек в мягкой обложке, купленных на вес.

I explained my theory to them. I left nothing out — the modal verbs, the word "sessions", my suspicion about the young man's lack of muscle. Hana laughed so much that the waitress came over to check she was alright. Ollie took it more personally.

Я изложил им свою теорию. Ничего не упустил — ни модальные глаголы, ни слово «сеансы», ни подозрения насчёт недостатка мускулатуры у молодого человека. Хана смеялась так, что подошла официантка узнать, всё ли в порядке. Олли воспринял всё это несколько более лично.

"It's a lesson, really," I said, when she had recovered. "I spent my whole career telling students that words mean nothing without context. 'Lock them in the vault' is a crime in one situation and a birthday party in another. And then I sat here for twenty minutes and forgot everything I'd ever taught."

— *Это, в сущности, урок, — сказал я, когда она отсмеялась. — Всю жизнь я говорил студентам, что слова ничего не значат без контекста. «Запереть их в хранилище» — в одной ситуации преступление, в другой — детский праздник. А потом просидел здесь двадцать минут и забыл всё, чему когда-либо учил.*

"So is that a yes?" said Hana.

— *Так это «да»? — спросила Хана.*

I thought about my empty house. I thought about the newspaper I never read.

Я подумал о своём пустом доме. О газете, которую никогда не читаю.

"It is a qualified yes," I said. "I have conditions."

— *Это «да» с оговорками, — сказал я. — У меня есть условия.*

"Name them."

— *Назовите.*

"I want to write my own speech. And I want a better beard. This one is real, and I'm told it lacks drama."

— *Хочу сам написать свою речь. И хочу бороду получше. Эта — настоящая, и мне говорили, что ей не хватает драматизма.*

* * *

Our escape room, *The Professor's Study*, opened in March. I appear at the beginning of every game on Saturdays and Sundays, four times a day, in a long coat and a magnificent false beard that Hana bought online. I tell the players, in a voice I once used for lectures on Old English, that they have exactly sixty minutes before I return — and then I lock the door.

Наша квест-комната, «Кабинет профессора», открылась в марте. По субботам и воскресеньям, четыре раза в день, я появляюсь в начале каждой игры в длинном пальто и с вели-

коленной накладной бородой, которую Хана купила в интернете. Голосом, которым когда-то читал лекции по древнеанглийскому, я сообщаю игрокам, что у них ровно шестьдесят минут до моего возвращения, — и запираю дверь.

Some of them are students of mine from long ago. They are always delighted, and slightly frightened. I find I enjoy that more than I probably should.

Среди них попадаются мои давние студенты. Они всегда в восторге и слегка напуганы. Мне, признаться, это нравится больше, чем, наверное, следовало бы.

And on weekday mornings I still sit at the window of the Blue Teapot, listening. But I am more careful now about the stories I build. Context, as I used to tell my first-year students, is everything. It took two twenty-somethings and a lemon tart to remind me.

А по будним утрам я по-прежнему сижу у окна в «Синем чайнике» и слушаю. Но теперь осторожнее отношусь к историям, которые строю. Контекст, как я говорил первокурсникам, — это всё. Понадобились двое двадцатилетних и лимонный тарт, чтобы я об этом вспомнил.

Words & Phrases / Слова и выражения

to be in the habit of doing something — иметь привычку что-то делать

old habits die hard — старые привычки живучи

the ... in question — тот самый, о котором идёт речь

to jump to conclusions — делать поспешные выводы

to look the part — подходить на роль внешне, выглядеть соответствующе

ransom — выкуп

to lure — заманивать

the brains / the muscle — мозг (операции) / грубая сила

to recover one's colour — прийти в себя (о цвете лица)

escape room — квест-комната

a qualified yes — согласие с оговорками

to set the scene — задать атмосферу, ввести в курс дела

DAY 5

One Star

The first review appeared on a Wednesday morning in February, and Marco Bellini read it standing in the kitchen of his restaurant in Bath, still in his coat.

Первый отзыв появился в среду утром в феврале, и Марко Беллини прочитал его стоя на кухне своего ресторана в Бате, ещё не сняв пальто.

★☆☆☆☆ — Margaret_B

The minestrone was served at the temperature of a mild spring afternoon. The bread was yesterday's, and possibly the day before's. The waiter was charming and did not once look at me. One star, for the view of the abbey, which is not the restaurant's achievement.

— Margaret_B

Минестроне подали той температуры, какая бывает мягким весенним днём. Хлеб был вчерашний, а возможно, и позавчерашний. Официант был очарователен и ни разу на меня не взглянул. Одна звезда — за вид на аббатство, который не является заслугой ресторана.

Marco read it twice. Then he took off his coat, went to the bread basket, picked up a roll and pressed it with his thumb. It was, he had to admit, yesterday's.

Марко прочитал дважды. Потом снял пальто, подошёл к корзинке с хлебом, взял булочку и надавил на неё большим пальцем. Она была, как ни крути, вчерашняя.

* * *

Nonna Lucia had been open for six years. Marco had named it after his grandmother, who had cooked in a village near Naples until she was ninety and who had believed, with total conviction, that cream in a carbonara was a sin punishable by death. The restaurant did well. It had good reviews, a loyal crowd of regulars, and a table by the window from which you could see the golden stone of Bath Abbey. Marco was proud of it. Perhaps, he would later think, a little too proud.

«Нонна Лючия» работала уже шесть лет. Марко назвал ресторан в честь бабушки, которая до девяноста лет готовила в деревне под Неаполем и была непоколебимо уверена, что сливки в карбонаре — грех, караемый смертью. Дела шли хорошо. Хорошие отзывы, верные завсегдатаи и столик у окна, из которого видно золотистый камень Батского аббатства. Марко рестораном гордился. Пожалуй, как он потом думал, слишком.

The second review came the following Wednesday.

Второй отзыв пришёл в следующую среду.

★☆☆☆☆ — Margaret_B

The tiramisu had the texture of a wet bath sponge and the personality of a tax form. I am told it is "homemade". I should like to meet the home.

— Margaret_B

Тирамису по текстуре напоминал мокрую банную губку, а по обаянию — налоговую декларацию. Мне сказали, что он «домашний». Хотелось бы взглянуть на этот дом.

And the third, a week after that.

И третий, ещё через неделю.

★☆☆☆☆ — Margaret_B

The risotto was competent. Competence is what one expects from an accountant. From a risotto, one expects love.

— Margaret_B

Ризотто было грамотным. Грамотности ждёшь от бухгалтера. От ризотто ждёшь любви.

* * *

The staff were furious. Bryony, the head waitress, wanted to report the account to the website. Luca, the young chef, wanted to find out where Margaret_B lived and, as he put it, "have a word". Marco said no to both. Instead, as the owner, he wrote a reply under each review — polite, professional, the kind of reply that business courses teach you to write. *Dear Margaret, thank you so much for your valuable feedback. We are sorry your experience did not meet your expectations. We hope to welcome you again soon.*

Персонал был в ярости. Брайони, старшая официантка, хотела пожаловаться на аккаунт администрации сайта. Лука, молодой повар, хотел выяснить, где живёт Margaret_B, и, как он выразился, «потолковать». Марко отказал обоим. Вместо этого он как владелец написал ответ под каждым отзывом — вежливый, профессиональный, из тех, каким учат на бизнес-курсах. «Дорогая Маргарет, большое спасибо за ваш ценный отзыв. Нам жаль, что ваши ожидания не оправдались. Надеемся вскоре снова видеть вас у нас».

The following week there was a fourth review. Under it, Margaret_B had added a short note in reply to his.

Через неделю появился четвёртый отзыв. Под ним Margaret_B добавила короткий ответ на его ответ.

Dear Mr Bellini, your replies are like your risotto: correct in every detail and entirely without flavour. I shall be back on Tuesday.

Дорогой мистер Беллини, ваши ответы похожи на ваше ризотто: безупречны в каждой детали и совершенно лишены вкуса. Я вернусь во вторник.

Marco laughed out loud, alone in his office, for the first time in a month. It was not a pleasant laugh, exactly, but it was a real one. Whoever Margaret_B was, she could write.

Марко рассмеялся вслух — один, в своём кабинете, впервые за месяц. Не то чтобы это был приятный смех, но настоящий. Кем бы ни была Margaret_B, писать она умела.

* * *

He went through the booking system. The reviews always appeared on Wednesday; so she ate on Tuesday. There were no bookings under "Margaret" or anything beginning with B. So she didn't book. He asked Bryony about Tuesday lunchtimes.

Он просмотрел систему бронирования. Отзывы всегда появлялись в среду — значит, обедала она во вторник. Бронирований на имя «Маргарет» или на фамилию на «Б» не было. Значит, она не бронировала. Он спросил у Брайони о вторичных обедах.

Bryony thought for a moment. "There's an old lady," she said slowly. "Comes in on her own. Always takes the little table by the kitchen door — never the window. Orders soup, then something else, then dessert. Takes about two hours. Pays cash." She frowned. "To be honest, Marco, we don't really... I mean, she's very slow, and she doesn't need much, and Tuesday lunch gets busy with the office people. We sort of leave her to it."

Брайони немного подумала.

— Есть одна пожилая дама, — медленно сказала она. — Приходит одна. Всегда садится за маленький столик у двери на кухню — никогда у окна. Заказывает суп, потом что-нибудь ещё, потом десерт. Сидит часа два. Платит наличными. — Она нахмурилась. — Честно говоря, Марко, мы её не особенно... Ну, она очень медленная, ей мало что нужно, а во вторник в обед полно офисных. Мы её, в общем, оставляем в покое.

The words came back to him — *the waiter was charming and did not once look at me* — and Marco felt something uncomfortable move in his chest.

Ему вспомнились слова: «Официант был очарователен и ни разу на меня не взглянул», — и Марко почувствовал, как в груди неприятно шевельнулось что-то.

* * *

On Tuesday he didn't stay in the kitchen. At half past twelve, a small, upright woman of about eighty came in from the rain, folded a tartan umbrella with great precision, and sat down at the little table by the kitchen door. She had white hair cut very short, a silk scarf and the sharp, bright eyes of a bird that has seen everything and been impressed by very little of it.

Во вторник он не остался на кухне. В половине первого с улицы, из-под дождя, вошла маленькая женщина лет восьмидесяти с очень прямой спиной, с большой аккуратностью сложила клетчатый зонт и села за маленький столик у двери на кухню. Седые волосы, подстриженные очень коротко, шелковый шарф и острые, ясные глаза птицы, которая видела всё и мало чем была впечатлена.

Marco brought the soup himself. He had made it himself, too, at six that morning, from his grandmother's recipe, and he had tasted it nine times.

Суп Марко принёс сам. И сварил его тоже сам — в шесть утра, по бабушкиному рецепту, и пробовал девять раз.

"Minestrone," he said, putting it down. "Hot, this time. And the bread came out of the oven twenty minutes ago."

— *Минестроне*, — сказал он, ставя тарелку. — *На этот раз горячий. А хлеб вынули из печи двадцать минут назад.*

She looked at the soup. Then she looked up at him for a long moment, and the corner of her mouth moved very slightly.

Она посмотрела на суп. Потом долго смотрела на него снизу вверх, и уголок её рта едва заметно дрогнул.

"Mr Bellini," she said. "You've found me out."

— *Мистер Беллини*, — сказала она. — *Вы меня раскусили.*

"May I sit down?"

— *Можно мне присесть?*

"It's your restaurant."

— *Ресторан ваш.*

* * *

Her name was Margaret Beaumont. Forty years earlier, she told him, she had been a restaurant critic for a national newspaper — "when restaurant critics were feared, Mr Bellini, rather than followed". She had eaten in every great kitchen in Europe. She had made chefs cry, and once, in Lyon, a chef had made *her* cry, with a chicken so perfect she still dreamed about it.

Её звали Маргарет Бомонт. Сорок лет назад, рассказала она, она была ресторанным критиком в общенациональной газете — «в те времена, мистер Беллини, когда критиков боялись, а не подписывались на них». Она ела на всех великих кухнях Европы. Она доводила шеф-поваров до слёз, а однажды, в Лионе, шеф довёл до слёз её — курицей настолько совершенной, что она до сих пор видит её во сне.

Her husband, Richard, had come with her everywhere. He had died four years ago. Since then, she said, in the same dry voice, she had discovered something about being an old woman eating alone.

Её муж Ричард ездил с ней повсюду. Четыре года назад он умер. С тех пор, сказала она тем же сухим голосом, она кое-что узнала о том, каково старой женщине есть в одиночестве.

"You become invisible. Not unkindly. Nobody means it. They seat you by the kitchen door, and they bring your food, and they forget you're there. It's rather like being furniture." She tasted the soup, slowly, considering. "So I started writing reviews again. And do you know, Mr Bellini, you're

the first person who has replied to me in four years? Even if it was," she added, "with that terrible business-school nonsense."

— Становишься невидимой. Никто не со зла. Никто нарочно. Тебя сажают у двери на кухню, приносят еду и забывают, что ты здесь. Примерно как быть мебелью. — Она попробовала суп — медленно, вдумчиво. — Вот я и снова начала писать отзывы. И знаете, мистер Беллини, вы первый, кто ответил мне за четыре года? Пусть даже, — добавила она, — этой ужасной цепухой из бизнес-школы.

"The tiramisu," said Marco. "Was it really that bad?"

— А тирамису, — сказал Марко. — Неужели всё было настолько плохо?

"Worse. I was being kind."

— Хуже. Я была снисходительна.

He laughed. She didn't, but her eyes did.

Он рассмеялся. Она — нет, но её глаза смеялись.

"The soup," she said, putting down her spoon, "is very good. Your grandmother's?"

— Суп, — сказала она, откладывая ложку, — очень хорош. Бабушкин?

"How did you know?"

— Как вы догадались?

"Because it tastes like somebody cared about it. Which the risotto, I'm sorry to say, did not."

— Потому что по вкусу чувствуется, что о нём кто-то заботился. Чего, к сожалению, не скажешь о ризотто.

* * *

They talked until four o'clock, long after the office workers had gone. Before she left, Marco asked her a question he had been thinking about all afternoon. He was changing the menu in spring. Would she — he knew it was a strange request — would she come in before it launched, and taste everything, and tell him the truth?

Они проговорили до четырёх — офисные давно разошлись. Перед её уходом Марко задал вопрос, который обдумывал весь день. Весной он меняет меню. Не согласится ли она — он понимает, что просьба странная, — прийти до запуска, попробовать всё и сказать ему правду?

Margaret Beaumont opened her umbrella with the same precision she had used to fold it.

Маргарет Бомонт раскрыла зонт с той же аккуратностью, с какой его складывала.

"I'll come on one condition," she said. "Not by the kitchen door."

— Приду при одном условии, — сказала она. — Не у двери на кухню.

* * *

Now, every Tuesday, the table by the window — the one with the view of the abbey — has a small card on it that says *Reserved*. Margaret arrives at half past twelve. Marco cooks for her himself, and then sits down with her for coffee, and she tells him, without mercy, everything that is wrong with his food. Half of the new spring menu was her idea. The tiramisu has been completely rebuilt.

Теперь каждый вторник на столике у окна — том, с видом на аббатство, — стоит маленькая табличка «Зарезервировано». Маргарет приходит в половине первого. Марко сам готовит для неё, а потом садится с ней пить кофе, и она безжалостно рассказывает ему обо всём, что не так с его едой. Половина нового весеннего меню — её идеи. Тирамису переделан с нуля.

In May, a new review appeared on the website. Bryony printed it out and stuck it on the kitchen wall, next to a photograph of Nonna Lucia.

В мае на сайте появился новый отзыв. Брайони распечатала его и повесила на стену кухни, рядом с фотографией нонны Люции.

★★★★☆ — Margaret_B

Four stars. I never give five. Five stars are reserved for God and for my late husband's mushroom risotto, and Mr Bellini is getting dangerously close to the second. The waiter looked at me. Several times.

— Margaret_B

Четыре звезды. Пять я не ставлю никогда. Пять звёзд зарезервированы за Господом Богом и за грибным ризотто моего покойного мужа, и мистер Беллини опасно приближается ко второму. Официант на меня смотрел. Несколько раз.

Words & Phrases / Слова и выражения

regulars — постоянные посетители, завсегдатаи

to have a word (with someone) — (разг.) поговорить, «потолковать» (часто с угрозой)

feedback — отзыв, обратная связь

to leave somebody to it — оставить в покое, не мешать

to find somebody out — разоблачить, раскусить

upright — прямой, с прямой осанкой

not unkindly — без злобы, вполне доброжелательно

nonsense — чепуха, ерунда

without mercy — безжалостно

competent — грамотный, толковый (часто — «и не более»)

to rebuild from scratch / completely — пересобирать с нуля

late (husband) — покойный (муж)

DAY 6

Please Hold

"Thank you for calling Northpower Energy. Your call is important to us. You are currently number... fourteen... in the queue. Please hold."

— *Благодарим вас за звонок в «Нортпауэр Энерджи». Ваш звонок очень важен для нас. Ваш номер в очереди... четырнадцатый. Пожалуйста, оставайтесь на линии.*

Then came the music. It was Vivaldi — the first thirty seconds of *Spring*, played on what sounded like a toy keyboard, over and over again, for ever.

Потом заиграла музыка. Вивальди — первые тридцать секунд «Весны» в исполнении чего-то вроде игрушечного синтезатора, снова и снова, до бесконечности.

Dev Malhotra put his phone on speaker, laid it on the kitchen table in his flat in Leeds, and looked at the letter beside it. The letter said he owed Northpower Energy three thousand, one hundred and twelve pounds for one month of electricity. Dev lived alone in a one-bedroom flat. He owned a laptop, a kettle and a fridge that was mostly empty. Unless the fridge had been secretly mining Bitcoin, there had been a mistake.

Дев Малхотра включил громкую связь, положил телефон на кухонный стол в своей квартире в Лидсе и посмотрел на лежащее рядом письмо. Согласно письму, он был должен «Нортпауэр Энерджи» три тысячи сто двенадцать фунтов за месяц электричества. Дев жил один в однокомнатной квартире. У него были ноутбук, чайник и холодильник, но большей части пустой. Если только холодильник тайком не майнил биткоины, произошла ошибка.

He had taken the day off work for this call. He had a cup of tea. He was ready.

Ради этого звонка он взял на работе отгул. У него была кружка чая. Он был готов.

* * *

At 10:43, after forty minutes of Vivaldi, the music stopped with a click. There was a crackling sound. And then a voice — not a recorded voice but a real, elderly, very Scottish one — said:

В 10:43, после сорока минут Вивальди, музыка оборвалась со щелчком. Что-то затрепало. А потом голос — не записанный, а настоящий, пожилой и очень шотландский — произнёс:

"Hello? Hello? Is that a person?"

— *Алло? Алло? Это человек?*

Dev grabbed the phone. "Yes! Hello! Yes, I'm a person. Is this Northpower?"

Дев схватил телефон.

— *Да! Алло! Да, я человек. Это «Нортпауэр»?*

"God, no. I was going to ask you the same thing." A pause. "I'm on hold to them. Have been for two hours and ten minutes. And then the music stopped and there you were."

— *Боже упаси. Я как раз хотел спросить вас о том же. — Пауза. — Я сам до них дозваниваюсь. Уже два часа десять минут. А потом музыка кончилась, и тут вы.*

"I'm on hold too. Forty minutes."

— *Я тоже жду. Сорок минут.*

"Forty minutes," said the voice, with something like pity. "You're just a boy."

— *Сорок минут, — сказал голос с чем-то вроде жалости. — Да вы ещё мальчишка.*

They established, after some confusion, that their two calls had somehow got crossed inside Northpower's phone system. Neither of them was willing to hang up and lose his place in the queue. So they stayed.

После некоторой путаницы они выяснили, что их звонки каким-то образом пересеклись внутри телефонной системы «Нортпауэр». Ни один не готов был повесить трубку и потерять место в очереди. Так что оба остались.

"Hamish," said the voice. "Hamish Cormack. Aberdeen."

— *Хэмиш,* — сказал голос. — *Хэмиш Кормак. Абердин.*

"Dev. Leeds."

— *Дев. Лидс.*

"Well, Dev from Leeds. What did they do to you?"

— *Ну что ж, Дев из Лидса. Что они вам сделали?*

* * *

Dev explained about the three thousand pounds. Hamish whistled.

Дев рассказал про три тысячи фунтов. Хэмиш присвистнул.

"That's a lot of toast."

— *Это ж сколько тостов.*

"And you?"

— *А у вас?*

There was a pause on the line, longer than the others.

На линии повисла пауза — дольше прежних.

"My wife's name is on the account. Jean. She died in March. I've written to them four times to change it to my name, and every month they send another letter addressed to her. 'Dear Mrs Cormack, we value you as a customer.' And every time I phone, they tell me they can only discuss the account with the account holder." He gave a short laugh with no humour in it. "I've said, well, you'll need a very long phone line."

— *На счёте имя жены. Джин. Она умерла в марте. Я четыре раза писал им, чтобы переоформили на меня, а они каждый месяц шлют новое письмо на её имя. «Уважаемая миссис Кормак, мы ценим вас как клиента». А каждый раз, когда звоню, говорят, что могут обсуждать счёт только с владельцем. — Он коротко, без тени юмора, рассмеялся. — Я им говорю: ну, тогда вам понадобится очень длинный телефонный провод.*

"I'm sorry," said Dev, and meant it.

— *Мне очень жаль,* — сказал Дев, и это была правда.

"Aye. Well."

— *Ага. Ну что ж.*

"How did you meet her?" Dev asked, and then wondered if he shouldn't have.

— *А как вы познакомились? — спросил Дев и тут же засомневался, стоило ли.*

But Hamish sounded pleased to be asked. "At a dance in Peterhead, 1966. I stood on her foot twice in the first minute. She said, 'If you do that a third time, I'm marrying you, so you'd better be careful.'" He laughed, properly this time. "I did it a third time. On purpose."

Но Хэмиш, похоже, обрадовался вопросу.

— *На танцах в Питерхеде, в шестьдесят шестом. В первую же минуту дважды наступил ей на ногу. Она сказала: «Наступишь в третий раз — выйду за тебя замуж, так что поосторожнее». — Он рассмеялся, на этот раз по-настоящему. — Я наступил в третий раз. Нарочно.*

* * *

At 11:30 they were still waiting. The conversation had wandered, the way conversations do when there is nowhere else for them to go.

В 11:30 они всё ещё ждали. Разговор петлял, как петляют разговоры, которым больше некуда деться.

"So what do you do, Dev? When you're not on hold."

— *А чем вы занимаетесь, Дев? Когда не висите на линии.*

"I'm a software developer. Or I was. I'm — sort of between things."

— *Я разработчик. То есть был. Я сейчас... вроде как между делами.*

"Between things."

— *Между делами.*

Dev hadn't told anyone this. Not his parents, not his friends. He wasn't sure why he was telling a stranger in Aberdeen. Perhaps because he was a stranger in Aberdeen. "I quit three weeks ago. Just walked out. I was working sixty hours a week and I couldn't sleep and one morning I sat in the car park and couldn't make myself go in. So I didn't. I haven't told my parents. They think I took a day off today. I take a day off every day now."

Дев никому этого не говорил. Ни родителям, ни друзьям. Он не понимал, зачем рассказывает это незнакомцу в Абердине. Может, именно потому, что это незнакомец в Абердине.

— *Я уволился три недели назад. Просто ушёл. Работал по шестьдесят часов в неделю, не мог спать, и однажды утром сидел на парковке и не смог заставить себя войти. И не вошёл. Родителям не сказал. Они думают, что сегодня я взял отгул. Я теперь каждый день беру отгул.*

Hamish was quiet for a moment.

Хэмиш немного помолчал.

"I was a radio operator on the North Sea oil rigs," he said. "Thirty-one years. You know what the job was, mostly? Waiting. Sitting by the radio in the middle of the sea, waiting for something to happen. The young lads couldn't stand it. They wanted to *do* something. And I used to tell them — patience is a muscle. It hurts at first. Then it gets stronger."

— *Я был радистом на нефтяных платформах в Северном море, — сказал он. — Тридцать один год. Знаете, в чём в основном состояла работа? В ожидании. Сидишь у радиции посреди моря и ждёшь, когда что-нибудь случится. Молодые парни этого не выносили. Им хотелось что-то делать. А я им говорил: терпение — это мышца. Сначала больно. Потом она крепнет.*

"I don't think I'm very good at waiting."

— *По-моему, ждать я не очень умею.*

"You've been on hold for an hour and a half, son. You're better than you think."

— *Ты висишь на линии полтора часа, сынок. У тебя получается лучше, чем ты думаешь.*

* * *

At 12:15 Hamish taught Dev the words to a song his wife used to sing, which was mostly about a girl from Dundee and a fisherman who was very bad at his job. At 12:40 Dev explained to Hamish what an app was, and Hamish said he still didn't see the point. At 1:05 they discovered they had both, at different times, been to the same terrible seaside hotel in Scarborough, and spent twenty happy minutes describing the carpet.

В 12:15 Хэмиш научил Дева словам песни, которую пела его жена, — в основном она была про девушку из Данди и рыбака, который очень плохо справлялся со своей работой. В 12:40 Дев объяснил Хэмишу, что такое приложение, и Хэмиш сказал, что всё равно не видит в нём смысла. В 13:05 выяснилось, что оба в разное время останавливались в одной и той же ужасной гостинице на побережье в Скарборо, и они провели двадцать счастливых минут, описывая тамошний ковёр.

"Can I ask you something?" said Dev. "Why haven't you just — given up? Let them keep sending letters to Jean?"

— *Можно спросить? — сказал Дев. — Почему вы просто не... махнули рукой? Пусть бы слали письма Джин.*

"Because every letter that comes with her name on it," said Hamish, "I open it thinking, just for a second, that it's for her. And then I remember." He cleared his throat. "I'd like them to stop. That's all. I'd like the post to be mine."

— Потому что каждое письмо с её именем, — сказал Хэмиш, — я открываю и на секунду думаю, что оно ей. А потом вспоминаю. — Он прокашлялся. — Я хочу, чтобы это прекратилось. Только и всего. Хочу, чтобы почта снова была моей.

* * *

At 1:52 p.m., the music stopped again, and a third voice came on the line — young, female, tired.

В 13:52 музыка снова оборвалась, и на линии появился третий голос — молодой, женский, усталый.

"Thank you for holding, you're through to Northpower, my name is Shona, can I take your account number please?"

— Спасибо за ожидание, вы дозвонились в «Нортпауэр», меня зовут Шона, назовите, пожалуйста, номер счёта.

"Which of us?" said Dev and Hamish together.

— Кого из нас? — хором спросили Дев и Хэмиш.

There was a long silence.

Повисло долгое молчание.

"I'm sorry," said Shona. "Are there... two of you?"

— Простите, — сказала Шона. — Вас... двое?

They explained. Shona listened. She said that this had never happened before, that the system had been "doing strange things all week", and that technically she should end the call and ask them both to ring back separately.

Они объяснили. Шона выслушала. Сказала, что такого никогда не случалось, что система «всю неделю чудит» и что формально ей следует завершить звонок и попросить обоих перезвонить по отдельности.

"With the greatest respect, Shona," said Dev — and he was surprised by how calm his voice was — "this gentleman has been waiting five hours and twenty minutes. His wife died in March. He has written to you four times. Every month you send a letter to a woman who isn't alive any more, and every month he has to open it. I'm not hanging up, and neither is he, until it's fixed. My bill can wait."

— При всём уважении, Шона, — сказал Дев и сам удивился, насколько спокойно звучит его голос, — этот джентльмен ждёт пять часов двадцать минут. Его жена умерла в марте. Он писал вам четыре раза. Каждый месяц вы отправляете письмо женщине, которой больше нет в живых, и каждый месяц ему приходится его открывать. Ни я, ни он не повесим трубку, пока это не исправят. Мой счёт подождёт.

There was another silence. When Shona spoke again, her voice had changed. It was quieter, and more human.

Снова молчание. Когда Шона заговорила, голос у неё изменился. Стал тише и человечнее.

"Mr Cormack? Give me your postcode, love. Let's sort this out."

— Мистер Кормак? Продиктуйте мне индекс, дорогой. Давайте разберёмся.

It took eleven minutes. When it was done, Hamish's voice wasn't quite steady. Then Shona looked at Dev's account and discovered, in about thirty seconds, that someone had typed an extra zero into his meter reading. His bill was three hundred and eleven pounds and twenty pence. He would receive a correction by email.

Это заняло одиннадцать минут. Когда всё было сделано, голос Хэмиша слегка дрожал. Потом Шона открыла счёт Дева и секунд за тридцать обнаружила, что кто-то вписал в показания его счётчика лишний ноль. Счёт составлял триста одиннадцать фунтов двадцать пенсов. Исправление придёт ему на почту.

"Is there anything else I can help you with today?" asked Shona.

— Могу я ещё чем-то вам помочь? — спросила Шона.

"No," said Dev. "You've been brilliant. Thank you."

— Нет, — сказал Дев. — Вы просто молодец. Спасибо.

"Thank you," said Shona. "Honestly. I've had a horrible week. That was the nicest call I've had in months." She hesitated. "Shall I leave the line open for a minute? So you can say goodbye?"

— Вам спасибо, — сказала Шона. — Правда. У меня ужасная неделя. Это лучший звонок за много месяцев. — Она замялась. — Оставить линию открытой на минутку? Чтобы вы могли попрощаться?

* * *

They didn't say goodbye. They exchanged phone numbers instead.

Прощаться они не стали. Вместо этого обменялись номерами.

Dev told his parents about his job that weekend. It went better than he had feared. In September he found a new one — four days a week, a smaller company, a manager who went home at five and expected everyone else to do the same.

В те же выходные Дев рассказал родителям о работе. Всё прошло лучше, чем он боялся. В сентябре он нашёл новую — четыре дня в неделю, компания поменьше, начальник, который уходит домой в пять и ждёт того же от остальных.

And every Sunday at seven, his phone rings, and a voice from Aberdeen says, in a very bad imitation of a recorded message:

А каждое воскресенье в семь у него звонит телефон, и голос из Абердина очень плохо изображает автоответчик:

"Thank you for calling. Your call is important to us. Please hold."

— Благодарим за звонок. Ваш звонок очень важен для нас. Пожалуйста, оставайтесь на линии.

And then he hums the first thirty seconds of Vivaldi, badly, and they both laugh, and then they talk for an hour.

А потом он фальшиво напевает первые тридцать секунд Вивальди, и оба смеются, а потом болтают целый час.

Words & Phrases / Слова и выражения

to be on hold / please hold — ждать на линии / оставайтесь на линии

the queue — очередь

to get crossed (lines, calls) — пересечься, перепутаться (о линиях)

to hang up — повесить трубку

account holder — владелец счёта

to wander (of a conversation) — блуждать, перескакивать с темы на тему

between things / between jobs — между работами, в поиске

to walk out — уйти, бросить (работу)

can't stand something — терпеть не могу

to give up — сдаться, махнуть рукой

to sort something out — разобраться, уладить

meter reading — показания счётчика

DAY 7

The Translator's Note

Agnieszka Wróbel had been translating English novels into Polish for fifteen years, and she believed that every book had a secret. Not a hidden message, usually — nothing so dramatic. Just a rhythm, a habit, a word the author loved too much. A translator's job was to find it and carry it, carefully, across the border into another language.

Агнешка Врубелъ пятнадцать лет переводила английские романы на польский и считала, что у каждой книги есть секрет. Обычно не тайное послание — ничего настолько драматичного. Просто ритм, привычка, слово, которое автор слишком любил. Работа переводчика — найти его и бережно перенести через границу, в другой язык.

The Harbour Light was the last novel by Iain Ruthven, who had died of a heart attack the previous winter at the age of seventy-three. Ruthven had been the grumpy giant of Scottish literature — famous for his long, cold, beautiful sentences, his refusal to give interviews, and his habit of describing the sea as though it were a person who had personally offended him. The book had been published four months after his death. The critics called it his masterpiece. Agnieszka, working at the kitchen table of her flat in Edinburgh with the real sea grey outside the window, thought they were probably right.

«Свет гавани» был последним романом Иэна Рутвена, который умер от сердечного приступа прошлой зимой в возрасте семидесяти трёх лет. Рутвен был угрюмым великаном шотландской литературы — знаменитым своими длинными, холодными, прекрасными фразами, отказом давать интервью и привычкой описывать море так, словно это человек, который нанёс ему личное оскорбление. Книга вышла через четыре месяца после его смерти. Критики назвали её шедевром. Агнешка, работая за кухонным столом в своей эдинбургской квартире, за окном которой серело настоящее море, считала, что они, вероятно, правы.

The novel was about an old lighthouse keeper on an island in the far north who had stopped speaking to his only daughter. It had twenty-four chapters. Each chapter had a title — a single word or a short phrase. Agnieszka had translated nineteen of them before she noticed.

Роман был о старом смотрителе маяка на острове далеко на севере, который перестал разговаривать со своей единственной дочерью. В нём было двадцать четыре главы. У каждой главы было название — одно слово или короткая фраза. Агнешка перевела девятнадцать из них, прежде чем заметила.

* * *

It was a Tuesday night, very late. She had been struggling with the title of chapter twenty, *Ghosts*, because the Polish word sounded too much like a children's story, and she had opened the table of contents to see how the titles worked together. She was reading down the list, half asleep, when the first letters of the titles seemed to rise off the page.

Был вторник, поздняя ночь. Она билась над названием двадцатой главы — «Призраки», — потому что польское слово звучало слишком по-детски, и открыла оглавление, чтобы посмотреть, как названия звучат вместе. Она сонно читала список сверху вниз, когда первые буквы названий словно поднялись над страницей.

Keeper. Island. Rain. Salt. Tide. Years.

Keeper. Island. Rain. Salt. Tide. Years. — Смотритель. Остров. Дождь. Соль. Прилив. Годы.

She sat up.

Она выпрямилась.

Ice. Water. Ash. Silence.

Ice. Water. Ash. Silence. — Лёд. Вода. Пепел. Тишина.

She took a pencil and wrote the letters down on the back of an envelope, one by one, her hand not quite steady. When she had finished, she looked at what she had written for a long time.

Она взяла карандаш и стала выписывать буквы на обороте конверта, одну за другой; рука слегка дрожала. Закончив, она долго смотрела на написанное.

KIRSTY I WAS WRONG FORGIVE ME

KIRSTY I WAS WRONG FORGIVE ME — «Кирсти, я был неправ. Прости меня».

* * *

Everyone in the literary world knew that Iain Ruthven had a daughter called Kirsty, and everyone knew that they had not spoken for fifteen years. The story had been in the newspapers at the time. Kirsty had written a first novel at twenty-six. It had been sent to her father for his opinion before publication, and somehow — nobody ever found out how — his private comments had ended up in a newspaper. *Competent. Clean. Without a single living sentence.* The book had come out anyway, and sold almost nothing. Kirsty Ruthven had never published another. As far as Agnieszka knew, she had not even come to the funeral.

Весь литературный мир знал, что у Иэна Рутвена есть дочь по имени Кирсти, и все знали, что они не разговаривали пятнадцать лет. В своё время эта история попала в газеты. В двадцать шесть лет Кирсти написала первый роман. Перед публикацией его отправили отцу на отзыв, и каким-то образом — никто так и не выяснил каким — его частные комментарии оказались в газете. «Грамотно. Чисто. Ни одной живой фразы». Книга всё равно вышла и почти не продавалась. Большие Кирсти Рутвен не опубликовала ничего. Насколько знала Агнешка, она даже не пришла на похороны.

The next morning, Agnieszka phoned the English publisher. She spoke to an editor, then to a more senior editor. Neither had noticed the message. Both were very excited. The senior editor started talking about "a major news story" and "a special edition", and Agnieszka felt a cold, protective anger she couldn't quite explain.

На следующее утро Агнешка позвонила в английское издательство. Поговорила с редактором, потом со старшим редактором. Ни тот, ни другой послания не заметили. Оба пришли в восторг. Старший редактор заговорил о «громкой новости» и «специальном издании», и Агнешка почувствовала холодную злость — желание защитить, — которую сама не могла толком объяснить.

"Has anyone asked Kirsty?" she said.

— А Кирсти кто-нибудь спросил? — сказала она.

There was a pause. "Well — no. Not yet. We'd have to, obviously."

Пауза.

— Ну... нет. Пока нет. Придётся, разумеется.

"Then please don't do anything until somebody has."

— Тогда, пожалуйста, ничего не делайте, пока кто-нибудь не спросит.

She put the phone down and realised that the somebody would have to be her.

Она положила трубку и поняла, что этим «кем-нибудь» придётся стать ей.

* * *

It took her three days to write the letter. She was a translator; she knew that every word mattered, and that the most important words were often the ones you left out. In the end, it was short.

Письмо она писала три дня. Она была переводчиком; она знала, что важно каждое слово и что самые важные слова часто те, которые не пишешь. В итоге оно получилось коротким.

Dear Ms Ruthven,

I am translating your father's last novel into Polish. In the course of my work I have found something in the book that I believe was meant for you, and only for you. I have not told anyone except his publisher, and I have asked them to wait. I don't know whether you have read the book, or whether you want to. If you would like me to tell you what I found, I will. If you would prefer me never to mention it again, I will do that instead.

With respect,

Agnieszka Wróbel

Уважаемая мисс Рутвен,

я перевожу последний роман вашего отца на польский язык. В ходе работы я нашла в книге то, что, как мне кажется, предназначалось вам — и только вам. Я не говорила об этом никому, кроме его издательства, и попросила их подождать. Я не знаю, читали ли вы книгу и хотите ли её читать. Если вы хотите, чтобы я рассказала, что нашла, — я расскажу. Если предпочтёте, чтобы я никогда больше об этом не упоминала, — так и будет.

С уважением,

Агнешка Врубель

The publisher had an address for Kirsty, in Leith, twenty minutes' walk from Agnieszka's flat. She posted the letter on Friday and spent the weekend failing to translate chapter twenty.

У издательства был адрес Кирсти — в Лите, в двадцати минутах ходьбы от квартиры Агнешки. Она отправила письмо в пятницу и все выходные безуспешно пыталась перевести двадцатую главу.

* * *

The reply came on Wednesday, by email. It said only: *There's a café on the Shore called the Ship's Biscuit. Thursday, 10 a.m.*

Ответ пришёл в среду, по электронной почте. В нём было только: «На набережной есть кафе „Корабельный сухарь“. Четверг, 10 утра».

Kirsty Ruthven was forty-one — the same age as Agnieszka, which for some reason surprised her. She had her father's heavy eyebrows and none of his famous coldness; she was a veterinary nurse, she said, and she smelled faintly of dog. She had not read *The Harbour Light*. She had not read anything he had written for fifteen years.

Кирсти Рутвен был сорок один год — столько же, сколько Агнешке, и это почему-то её удивило. У неё были отцовские густые брови и ни капли его знаменитой холодности; она работала ветеринарной медсестрой, как сама сказала, и от неё слегка пахло собакой. «Свет гавани» она не читала. Она пятнадцать лет не читала ничего из написанного им.

Agnieszka didn't explain. She simply took a copy of the novel out of her bag, opened it at the table of contents, and pushed it across the table. Then she looked out at the boats in the harbour, so that Kirsty could read without being watched.

Агнешка ничего объяснять не стала. Просто достала из сумки экземпляр романа, открыла на оглавлении и подвинула через стол. А потом стала смотреть на лодки в гавани, чтобы Кирсти могла читать без свидетелей.

It took a long time. When Agnieszka finally looked back, Kirsty's finger was resting on the last word of the list, and her face was wet, and she was laughing — a strange, broken laugh.

Это заняло много времени. Когда Агнешка наконец обернулась, палец Кирсти лежал на последнем слове списка, лицо было мокрым, а сама она смеялась — странным, надломленным смехом.

"Twenty-four chapters," she said. "He must have planned the whole book around it. The stubborn old—" She stopped. "He couldn't just pick up the *phone*."

— *Двадцать четыре главы, — сказала она. — Он, должно быть, всю книгу под это выстроил. Упрямый старый... — Она осеклась. — Не мог просто взять и позвонить.*

"Perhaps he didn't know how," said Agnieszka. "Perhaps this was the only language he trusted."

— *Может, не знал как, — сказала Агнешка. — Может, это был единственный язык, которому он доверял.*

* * *

They talked for two hours. About the newspaper story, which Kirsty now believed her father had never leaked. About the lighthouse keeper in the novel, who was obviously him, and his daughter, who was obviously her. About Agnieszka's own father in Gdańsk, who had never once in his life said "I'm sorry", and probably never would.

Они проговорили два часа. О газетной истории — Кирсти теперь верила, что отец её не сливал. О смотрителе маяка из романа — очевидно, это был он, — и его дочери — очевидно, это была она. Об отце самой Агнешки в Гданьске, который ни разу в жизни не сказал «прости» и, вероятно, никогда не скажет.

"The publishers want to make it a news story," Agnieszka said at last. "A special edition. Interviews."

— *Издательство хочет сделать из этого новость, — наконец сказала Агнешка. — Специальное издание. Интервью.*

"No." Kirsty said it without hesitation. "He hid it. He hid it so that only I would find it — or someone like you. That's how he wanted it." She looked at the book. "What about your translation? It won't work in Polish, will it? The letters will all be different."

— *Нет. — Кирсти сказала это без колебаний. — Он это спрятал. Спрятал так, чтобы нашла только я — или кто-то вроде вас. Он так хотел. — Она посмотрела на книгу. — А как же ваш перевод? По-польски ведь не получится? Буквы будут другие.*

Agnieszka had been thinking about this for a week. She took the envelope out of her pocket — the one she had written the letters on — and turned it over. On the other side, in pencil, was a second line.

Агнешка думала об этом целую неделю. Она достала из кармана конверт — тот, на котором выписывала буквы, — и перевернула. На обороте карандашом была написана вторая строчка.

KIRSTY TO MOJA WINA WYBACZ MI

KIRSTY TO MOJA WINA WYBACZ MI — по-польски «Кирсти, это моя вина. Прости меня».

"Twenty-four letters," she said. "Exactly. I counted it eleven times. Some of the chapter titles will have to change, of course. And there are two Ys, and Polish has almost no words that begin with Y — so one chapter will have to be named after the keeper's boat. I haven't solved the other one yet. But it can be done." She hesitated. "If you want it to be."

— *Двадцать четыре буквы, — сказала она. — Ровно. Я пересчитала одиннадцать раз. Некоторые названия глав, конечно, придётся поменять. А ещё там две буквы Y, а в польском почти нет слов на Y, так что одну главу придётся назвать именем лодки смотрителя. Со второй я пока не придумала. Но это возможно. — Она помедлила. — Если вы этого хотите.*

Kirsty looked at the envelope for a long moment. Then she nodded.

Кирсти долго смотрела на конверт. Потом кивнула.

* * *

The second Y took her until March. The Polish edition came out that spring. Agnieszka did not write a translator's note explaining the acrostic, although translators usually do. Some secrets, she

decided, are not hers to explain. Perhaps, one day, a reader in Kraków or Wrocław would notice it, late at night, half asleep, the way she had.

Со второй У она справилась только к марту. Польское издание вышло той же весной. Агнешка не стала писать примечание переводчика с объяснением акростиха, хотя переводчики обычно так делают. Некоторые секреты, решила она, не ей объяснять. Может быть, однажды какой-нибудь читатель в Кракове или Вроцлаве заметит его — поздно ночью, в полусне, как заметила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.